

КАК Я ВАМ НРАВЛЮСЬ ТЕПЕРЬ?

ХОЛЛИ
БОРН

БЕСТСЕЛЕР
THE TIMES

Выбор
ZOELLA
BOOK
CLUB

18+

Девушки в большом городе

Холли Борн

Как я вам нравлюсь теперь?

«Издательство АСТ»

2019

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

Борн Х.

Как я вам нравлюсь теперь? / Х. Борн — «Издательство АСТ»,
2019 — (Девушки в большом городе)

ISBN 978-5-17-122041-9

В 25 лет Тори Бэйли написала бестселлер о том, как построить идеальные отношения и обрести счастье, если тебе «двадцать с чем-то». Сейчас Тори 32, и у нее есть все, о чем она когда-то мечтала: успешная карьера, блог с тысячами подписчиков, которые считают ее «гуру», долгосрочные отношения с замечательным парнем Томом. Она почти готова написать вторую книгу — о том, как исполнять свои мечты после тридцати. Только это будет ложью, потому что личная жизнь самой Тори трещит по швам. В то время как все ее друзья и знакомые женятся и заводят детей, Том даже не задумывается о браке, а их отношения, вначале полные страсти, теперь больше напоминают соседские. Издательство и читатели требуют от Тори очередной мотивационный бестселлер, но она понятия не имеет, о чем писать. Тори построила карьеру, давая девушкам советы, как найти счастье. Хватит ли у нее смелости признать, что сама она так и не стала счастливой?

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-122041-9

© Борн Х., 2019

© Издательство АСТ, 2019

Содержание

Месяц первый	6
Месяц второй	27
Месяц третий	37
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Холли Борн

Как я вам нравлюсь теперь?

Лекси – за телефонный звонок

Holly Bourne
How Do You Like Me Now?

* * *

This edition is published by arrangement with Madeleine Milburn Ltd and The Van Lear Agency LLC

Copyright © Holly Bourne 2018
© К. Никишева, перевод на русский язык, 2020
© ООО «Издательство АСТ», 2021

Месяц первый

Оливия Джессен

Осторожно, шестимесячное пузо! Вот это его разнесло, ребятки
#Животик #Вожданиичуда
81 «нравится»

Гарри Спирс

Теперь она официально моя!
Гарри Спирс и Клэр Роджерс помолвлены.
332 «нравится»

Андреа Симмонс

Вот это фонтан! Но посмотрите на эти сладкие щечки...
52 «нравится»

Комментарии:

Оливия Джессен: Только не это, Андреа. Мне все это еще предстоит.

Андреа Симмонс: Я подарю тебе на бэби шауэр прищепку!

Приглашение на мероприятие: суперсекретный бэби шауэр Оливии
Джессен
16 пойдут

* * *

Официальная группа книги «Негодная: как я послала на хрен чужие правила»

Ну что, негодники? Кто сегодня идет на мое лондонское выступление? Поверить не могу, что все билеты раскуплены! Я вас всех люблю и обожаю. Увидимся в семь. Я буду на сцене с микрофоном в руках вне себя от счастья оттого, что в моей жизни есть вы.

2434 «нравится», 234 комментария

* * *

Я смотрела на притихший зал.

Лиц так много, что невозможно было выцепить кого-то одного, но у всех было одно и то же выражение. Лица сияли, глаза блестели, пальцы были переплетены.

Они ловили каждое мое слово.

Я подходила к важному эпизоду. Именно его они ждали. Ради него все это и затевалось. Я прошла по сцене в дизайнерских туфлях и одернула свое дизайнерское платье. Я – воплощение успеха: аккуратная прическа, ухоженный вид, хайлайтер, контуринг... главное, не переусердствовать. Я посмотрела прямо в зал – на эти взволнованные и нетерпеливые лица – и сказала:

– Именно тогда ко мне пришло озарение. – Я вздернула тонко очерченную бровь. – Я сидела, скрестив ноги, в задрипанной палатке в Седоне и распевала какую-то дичь с толпой неудачников, а на шее у меня болтались дурацкие четки. И тут меня осенило...

Я выдержала паузу.

Зал замер. В воздухе сгустилось предвкушение.

– Я, как и все, пыталась *найти себя*, – продолжила я. – Я, как и все, страдала от нервного срыва и, как и все, пыталась прийти в норму. Но тут я сказала себе: ХВАТИТ. – Я вскинула руку в останавливающем жесте. И, помедлив еще немного, продолжила: – «Может, хватит жить по чужим правилам?» – спросила я себя. «Чего хочу я сама?» Жизнь – это не картина по номерам. Чужие рецепты не работают. У меня случился кризис четверти жизни, и я целый год провела в поисках себя, но в свои двадцать пять я продолжала делать себе только хуже. Я делала то, что, по моему мнению, *обязана была* делать, а не то, в чем я *нуждалась* на самом деле.

Раздался чей-то возглас. В зале рассмеялись. Я присоединилась, и смех эхом закружился по комнате, разливаясь из динамиков.

Я кивнула.

– Вот так-то.

Сделала паузу, чтобы зал успокоился. Отошла к другому концу сцены. Тишина. Я медленно моргнула, пытаясь припомнить тот самый момент. Снова пережить тот восторг. Шесть лет назад. Тот самый, невероятный день. День, когда моя жизнь повернула на правильный путь.

– И вот, – продолжила я. – Я открыла глаза, встала и вышла из этой дурацкой юрты, где проходила медитация, ни разу не оглянувшись.

Как обычно, раздался шквал аплодисментов. Как обычно, залу потребовалось добрых пять минут, чтобы успокоиться. Как обычно, мои глаза заблестели в знак признательности. И я рассказала оставшуюся часть истории. Она и без того была им известна – ведь все они сжимали в руках мою книгу в надежде на автограф. В надежде на то, что я уделю им свое время. Они хотели рассказать мне о том, как трудно им дался их третий десяток, о неудачных отношениях, унылой работе, о собственных разочарованиях. И о том, как моя книга, мои слова, моя история помогли им. *До сих пор* помогают им.

Это просто безумие. Иногда я забываю, какое это безумие.

* * *

Хотя очередь тянулась вдоль нескольких коридоров, мы продали не так уж много книг: у всех уже были свои экземпляры. Потрепанные, с потертыми корешками, сплошь в закладках, которыми были отмечены любимые отрывки. Я больше трех часов раздавала автографы с дежурной улыбкой на лице, стараясь, чтобы моей энергии хватило на всех женщин, которые так долго ждали этого мгновения.

Мгновения рядом со мной.

Будто я какая-то особенная.

Так что я беспрестанно улыбалась и пожимала им руки, когда они рассказывали мне о своих приключениях. Обнимала их, стоило им расплакаться. Подавалась вперед и внимательно слушала тайны, поверяемые шепотом. Рядом нервно вертелась пресс-агент, пытаясь выяснить, все ли у меня в порядке, нужна ли мне передышка, хочу ли я пить. Я улыбнулась ей и отказалась. Все в порядке. Все прекрасно. Я справляюсь, но спасибо за заботу.

Вопросы были одни и те же:

– Когда выходит ваша новая книга?

– Над чем вы сейчас работаете?

– Скоро ли ждать ваш новый проект?

– Я вся в нетерпении. Сколько еще ждать?

Моя улыбка увяла. Дотронувшись до носа, я отвечала снова и снова: «Скоро вы все узнаете» или «Следите за новостями».

Кроме того, их интересовало главное:

– Вы и правда по-прежнему вместе?

– Тот парень, с которым вы познакомились в конце книги, – вы все еще с ним?

– Вы все так же любите друг друга?

Они напоминали детей, которые спрашивают родителей, правда ли, что Санта-Клаус существует: глаза широко распахнуты от предвкушения и страха. Я понимала их чувства. Я – их шанс на успех: раз у меня получилось встретить Его, то и у них получится. Если у меня все сработало, то сработает и у них. У меня случилось чудо – случится и у них. Я – отражение всего, о чем они мечтают. Зеркало Еиналеж во плоти.

Но я же могу стать и их приговором. Если у моей сказки несчастливый конец, на что рассчитывать им? Без моего чуда им не на что надеяться.

Я кивала, глупо улыбалась, что-то мямлила и застенчиво повторяла одно и то же: «Да, мы по-прежнему встречаемся. Мы живем вместе».

Это приводило их в восторг. Они ахали, просили показать фото, умилялись, вздыхали. Их глаза расширялись, увлажнялись, они чувствовали облегчение. К моим глазам подступили слезы, и я изо всех сил заморгала, чтобы не расплакаться. Эти расспросы пробудили воспоминания о Нас – таких, какими мы были тогда, в конце той истории, за которую они так цепляются. Воспоминания такие яркие – быть может, потому, что я уже шесть лет вынуждена без конца их повторять...

– Вы хорошо себя чувствуете?

– А?

Моргнув, я заметила перед собой девушку: ходячий комок нервов, пальцы тербят мою книгу – в ней не менее сотни закладок.

– Прошу прощения. – Я с улыбкой взяла у нее книгу. – Как вас зовут?

– Роза.

– Красивое имя, – сказала я. Я всем это говорю.

– Спасибо.

И я написала ровно то, что пишу всем:

Дорогая Роза!

Живи по своим собственным правилам.

С любовью,

Тори

Она расплакалась.

– Спасибо вам, – давась от слез, пробормотала она. – А можно... фото с вами?

Я протянула ей книгу.

– Разумеется. Как вы себя чувствуете?

Она рассмеялась:

– Все в порядке, я просто в восторге от встречи с вами.

Я приветливо протянула к ней руки.

– Давайте обнимемся и сделаем фото.

Роза протянула телефон моему пресс-агенту, даже не спросив, готова ли та нас шелкнуть, – настолько ее переполняли эмоции. И шумно, не переставая дрожать, придвинулась ко мне. Я притянула ее поближе и обняла. Горячее и потное тело соприкасалось со складками моего платья, но я дорожила этим мгновением больше, чем тканью.

– Улыбочку! – сказала пиарщица, поднимая телефон.

Я улыбнулась, наиболее выгодным образом повернувшись к камере: подбородок опущен – так лучше видна линия скул, лоб гладкий – никаких морщин. Вспышка, Роза хихикнула, отошла и тут же проверила, как мы получились.

– Спасибо, что пришли. – Я отдала ей книгу.

– Это вам спасибо. Спасибо, что вы это написали. Вы даже представить себе не можете. Когда мне было двадцать три, все шло наперекосяк... а затем мне попалась ваша книга... и моя жизнь изменилась... это правда.

От улыбки уже сводило скулы, но это было важно для нее.

– Ух ты, я так рада это слышать. А сколько вам сейчас?

– Двадцать пять.

Какого хрена, ей всего двадцать пять! С каждым разом они все моложе и моложе.

– Я очень рада, что вам понравилась книга.

Я уже смотрела мимо нее на следующую девушку в очереди. На часах уже десять, а мне завтра на свадьбу. Но прежде чем я взяла книгу из очередных дрожащих рук, Роза осмелилась задать еще один вопрос.

– Ой, простите. Можно узнать? Парень с Утеса из вашей книги – вы ведь по-прежнему вместе?

Парень с Утеса.

Мы познакомились на вершине горы в Седоне, в месте силы. С воплем «*Да пошло оно все!*» я швырнула четки куда-то за линию горизонта – а ему это понравилось.

Том...

Он мог оказаться где угодно в тот день, но по немыслимому стечению обстоятельств он почему-то находился в Аризоне. В Седоне. И забрался на ту же гору, на то самое место силы.

Моя версия «и жили они долго и счастливо».

Так кончаются сказки, где героя награждают за его смелость.

– Да, – подтвердила я, в то время как моя улыбка уже начинала переходить в оскал, – мы по-прежнему вместе.

Взвизгнув, Роза замахала руками и покраснела.

– Извините. Я веду себя как фанатка.

– Ничего страшного.

Я снова смотрела поверх ее плеча: она отняла уже слишком много времени, хотя я вряд ли могла жаловаться. В очереди стояли еще не менее полусотни девушек, их терпение истощалось. Но Роза ничего не замечала. Мой ответ придавал ей уверенности. Ей нужен был этот разговор. Она уже считала нас подругами, закадычными подругами.

– И вы по-прежнему безумно счастливы?

Я прикрыла глаза, пауза затянулась. Но улыбка не сходила с лица. Так и должно быть. Ради еще пятидесяти человек. Роза видела ямочки на щеках, обворожительную улыбку и сияющее, ничем не омраченное счастье. Мою мудрость. Мою безмятежность. Именно этого она и ждет. За это она заплатила.

– Конечно, – сказала я, – мы безумно счастливы.

* * *

В такси по дороге домой адреналин стал выветриваться. Мышцы сжимались и разжимались. Коктейль из гормонов в районе желудка начал потихоньку испаряться, напряжение дюйм за дюймом покидало тело. Прислонив голову к затемненному стеклу, я наблюдала, как снаружи проносятся огни Лондона. Этот город стремится ввысь, противясь любым попыткам остановить его развитие, – совсем как люди, живущие в его небоскребах.

В моей руке ожил и настойчиво завибрировал смартфон.

Ди: ПОМОГИТЕ,ОН ПРОСТО ПСИХ

Я улыбнулась. Такси миновало помпезную громаду Биг-Бена, мы проехали над темными водами Темзы. Я обожаю читать сообщения от Ди, которые она шлет во время свиданий.

Тори: Но не может же он быть хуже того, что был на прошлой неделе?

Ди: Он женат, Тор. ЖЕНАТ!!

Тори: И как же он тогда оказался на свидании с тобой?!

Ди: Он готов развестись, но НИГДЕ НЕ МОЖЕТ НАЙТИ ЖЕНУ, ОНА, ВИДИТЕ ЛИ, ИСЧЕЗЛА

Пока мы переписывались, такси нырнуло в мутные глубины Южного Лондона – сверкающие огни сменились бетонными плитами так называемого доступного жилья: доступного, если родители помогут с первоначальным взносом, пока сами они пытаются уклониться от налога на наследство. Я пыталась выразить должные сочувствие и волнение, но мне очень хотелось в туалет.

Тори: Ты как? Такое случается только с ТОБОЙ, моя дорогая.

Ди: Все ОК! Я дома. Мечтаю выпить мерло с моими активными и молодыми соседями по квартире, но завтра у нас эта эпохальная свадьба.

Тори: Не напоминай. Мне по-прежнему заехать за тобой в 10?

Ди: Да будет так.

Пять минут спустя:

Ди: Дело не во мне, Тор. Все свидания такие. Либо со скуки помрешь, либо они чокнутые.

Мы неспешно огибали парк, и я убрала телефон. Тротуар был усеян курильщиками и пьяными телами, которые жадно вгрызались в жареную курицу из ведрышек, громко смеялись, визжали, жались друг к дружке, хватали друг друга за плечи. Мы остановились на светофоре, такси завибрировало в такт музыке, гремевшей из квартиры наверху. Лондон не знает отдыха. Для него не существует сна, дремы и даже сонливости. Тяжело жить в городе, который всегда бодрствует.

Я подумала, что дома меня ждет Том, и эта мысль придала мне сил. Он будет там, скажет, что любит меня. Мне не нужно больше возвращаться в мир парней, которые обещают перезвонить или шлют фотки своего члена, в мир непрочитанных сообщений без ответа. Если Тома не будет рядом... Я поежилась от одной только мысли, что может быть по-другому. Что мне придется начать все заново: мне тридцать один, и я одинока. Мне тридцать один, и я указываю возраст в приложении для знакомств. Я знаю, о чем будут думать люди, глядя на эту цифру. Пара увядающих яичников. Отчаяние. Песок, который сыпется тебе вслед, потому что часики тикают...

Том любит меня, а люблю Тома. Это нечто особенное. Это чувство встречается реже, чем кажется. Любовь – единственное, что вам нужно.

Водитель притормозил и потянул на себя ручник. Я восхищаюсь Томом. Мне невероятно повезло, что Том рядом со мной. Мне не терпелось поскорее увидеться, прильнуть к нему, поделиться любовью и облегчением. Пальцами я перебирала ключи от нашего дома, где все квартиры на одно лицо. Том заявил, что лучше уж купить новостройку, чем квартиру в бывшем викторианском особняке. Я согласилась: так было проще, чем спорить, пусть даже основную сумму внесла я. Не хочу плохо думать о Томе. Не после сегодняшнего вечера. Ведь за нас переживают столько людей. Он мой прекрасный принц, я люблю его и не хочу остаться в одиночестве.

Не успела я опустить вещи на пол, как ко мне подбежала Кошка. В качестве приветствия она, выгнув спину, потерлась о мою ногу.

– Я дома! – крикнула я, хотя это и так было ясно.

Молчание.

Том был здесь – свет горит, на вешалке висит его пальто, но я и без того *чувствовала* его присутствие в квартире – однако он не отозвался. Я бросила вещи на пол и подхватила на руки Кошку. Она начала вырываться из рук и попыталась укусить меня, вынудив отпустить ее. Она скрылась в спальне, и я последовала за ней, по дороге скидывая пальто.

– Привет. – Том сидел на кровати, сгорбившись, и держал в руках iPad, лицо его озарял синий свет. На меня он даже не взглянул.

– Как все прошло? – спросил он, не отрываясь от экрана.

– Отлично.

– Вот и славно, – сообщил он экрану.

Чувство любви начало покидать меня, словно бы кто-то вытащил пробку из остывшей ванны. Кошка, прыгнув на кровать, разлеглась на коленях Тома, устроила голову на планшете и принялась извиваться, исполняя кошачью версию танца семи покрывал. Ее настойчивость принесла плоды – не в пример мне.

Губы Тома сложились в улыбку.

– Привет, Катастрофа.

Отложив планшет, он почесал Кошке шею. Я стояла в дверях и смотрела, как он щедро делится с ней любовью, не обращая на меня внимания. Внутри просыпалась зависть. Это что-то новенькое. Но я не желала признаваться в этом даже себе – ведь это так мелко.

Я завидую собственной кошке.

Мой парень любит кошку больше меня.

Он гораздо чаще трогает ее, чем меня...

Я спросила Тома, как прошел день. Нормально, ответил он. Как работа, спросила я. Нормально, ответил он. Я спросила, что он ел на ужин. Он ответил и добавил, что если я голодна, то в холодильнике лежат остатки. Но затем он отвлекся на Кошку, которая перевернулась на спину и отпихивала его руку.

– Что ты делаешь, глупое ты создание? Ай! Больно же!

Мой парень и моя кошка были поглощены друг другом, им не до меня. Я выбралась из платья, стянула нижнее белье и нацепила пижаму. Том все еще играл с Кошкой, и я ушла в ванную чистить зубы и готовиться ко сну. Сначала я сняла макияж с помощью ватных дисков, смоченных мицеллярной водой, затем нанесла на кожу органическое очищающее молочко и через две минуты убрала его спонжем. Ополоснула лицо холодной водой – вместо тоника – и насухо вытерла полотенцем. Выдавила на кончики пальцев пару капель антивозрастной сыворотки, нанесла на лицо и аккуратно растерла. Прodelала ту же процедуру с кремом для глаз. Ожидая, пока все это впитается, села на унитаз и пописала. Помыла руки, почистила зубы ультразвуковой зубной щеткой и нанесла на кожу лица густой ночной крем. Вытащила зеркало из держателя и повернула стороной с увеличением, разглядывая себя. Поворачивая зеркало в разные стороны, я то поднимала, то опускала брови. Не верится, что у меня уже есть морщины. Уже. Но, говорят, если бы не все эти кремы, было бы гораздо хуже.

Когда я вернулась в спальню, Том уже погасил свет. Он скрючился на своей половине кровати, в ногах свернувшись калачиком Кошка. Эта безобидная картина расстроила меня. Но время было позднее, завтра меня ждет свадьба, мне очень повезло, что я не одинока и мне не нужно встречаться с мужчинами, у которых куда-то исчезли жены, и вообще, расстраиваться на ночь глядя – не лучшая затея. Так что я забралась в постель и сказала «Спокойной ночи».

Том уже дремал. Он всегда быстро засыпает. Я шучу, что он как один из тех пупсов, у которых, стоит только положить их, тут же закрываются глаза. Но он что-то радостно промычал и притянул меня к себе. С ним так тепло и надежно. Я позволила себе погрузиться в его запах, закрыла глаза, проникаясь его любовью и защитой – разительный контраст с тем, что я

ощущала всего минуту назад. Он поерзал и прижался задницей к моим бедрам, я молча засмеялась и с готовностью приняла позу большой ложки. Мой парень. В нем шесть футов росту – но все равно он выбирает роль маленькой ложки. Вдыхая аромат его спины, я чувствовала, как меня согревает тепло его тела. Я обняла его за талию и легко провела ладонью по обнаженному телу, задев вялый член. Словно желая удостовериться, что он по-прежнему на месте. Он был горячее, чем другие части тела. Я не знала, что делать со второй рукой – она была прижата к моему телу под неудобным углом.

Впервые за весь день мы прикасались друг к другу. Правда, он почти спит, но... постойте-ка. Да он уже храпит. Он полностью в отключке. Впервые за весь день мы прикасались друг к другу, а он при этом спал.

Какое-то время я просто лежала, сон не шел. Я наслаждалась нашей близостью. Но тут, словно считав мои мысли, он перевернулся на живот. В пространство между нашими телами тут же проскользнула прохлада. Я прикусила губу. Мы уже как-то ссорились на эту тему. Он считает «бессмысленным» анализировать язык его тела во время сна.

Пролежав без сна еще десять минут, я села в кровати и достала телефон.

После вечернего выступления моя лента была переполнена.

@rosianna_90 Боже мой! Я плачу и никак не могу остановиться. ПОВЕРИТЬ не могу, что познакомилась с **@TheRealTori**. Я послала на хрен чужие правила и горжусь этим!

@WhoTheFuckFanGirl ОГРОМНОЕ СПАСИБО ЗА ВЕЧЕР. Как здорово, что ты есть. Я написала в блоге про сегодняшнее выступление. Прочитай, пожалуйста.

Я с благодарностью отвечала всем, кому могла. Многие выложили селфи, и я изучила каждую фотографию – меня интересовало только мое лицо: не кажется ли лоб без челки слишком большим? Ух, на этом снимке он просто гигантский. Я увеличила фото, весь экран заполнило мое лицо, и я отметила каждый недостаток. Хорошо ли на снимках получились другие, меня не интересовало. Значение имело только мое лицо. Я максимально приблизила фото, теперь мой лоб занимал весь экран. И тут же принялась гуглить «стрижки при большом лбе», пролистывая примеры без какой-то конкретной цели: все они удивительно напоминали стрижку, после которой я уже два года отращивала волосы.

@TheRealTori Боже мой, мои негодники! Спасибо ВАМ за этот вечер.

Было так здорово увидеться с вами и услышать ваши истории. Люблю вас.

Стоило мне нажать «Отправить», как на экране замелькали бесконечные уведомления: лайк, снова лайк, репост, один, другой. Я смахнула уведомления и зачем-то зашла на Вредный Сайт.

– Хватит уже этим заниматься, – все время повторяет Ди. – Это же мазохизм для бездетных тридцать плюс.

– Я захожу туда только ради своей официальной группы.

– Да неужели? А что же ты тогда вечно мне плачешься, что все вокруг постят фотки «смотрите, что у меня в животе»?

– Это выше моих сил! И что вообще это за тема со снимками УЗИ? С каких пор это модно? – спросила я в миллионный раз.

– Понятия не имею. Но при виде этих черно-белых снимков я чувствую себя так, будто проснулась в Плезанвиле.

– Ди, – спрашиваю я всегда, – почему все вдруг заводят детей, а мы нет?

– Любая идиотка со здоровой вагиной и доступом к сперме способна наплодить этих дурацких младенцев, Тор, – отвечает она всегда. – В этом нет никакого подвига.

– А ты точно учительница начальной школы?

Но Ди рядом не было, и некому было меня остановить, так что я прилежно листала ленту. Вниз-вниз-вниз. Бесят-бесят-бесят. Парочка целуется – парочка на свидании – парочка целуется на свидании – селфи целующейся парочки на свидании. Бесконечные, бесконечные фото младенцев и уведомления обо всех важных событиях в жизни этих младенцев. («ЕЕ ПЕРВАЯ УЛЫБКА!», «КТО ЭТО У НАС ТУТ ВОТ-ВОТ НАЧНЕТ ХОДИТЬ?», и даже «КОЕ-КТО ВПЕРВЫЕ СЕГОДНЯ ПОПРОБОВАЛ ЯИЧКО»).

Бесконечные лайки и бесконечные комментарии, все внимательно следят за тем, как люди принимают одобряемые обществом решения в одобряемом обществе возрасте. Здорово, молодец. Продолжай в том же духе. Поздравляем. Найди себе партнера, выложи помолвочные фото, купи квартиру, заведи ребенка. Здорово, молодец. Все как и должно быть, здорово, молодец.

Вот Джессика и ее подружки готовятся к завтрашней свадьбе. Девушки в сшитых на заказ платьях в одной цветовой гамме пьют шампанское из фужеров. Они положили руку на бедро, поставив на носок и согнув выставленную вперед ногу, чтобы казаться выше. Укол злости – Джесс не позвала меня в подружки невесты, – но в то же время облегчение – мне не придется надевать платье, которое должно гармонировать с одеждой других.

Джессика Хедли Моя последняя ночь в статусе незамужней девушки.
Поверить не могу, что уже завтра я выйду замуж за лучшего друга и стану
МИССИС ТОРНТОН.

Мои мысли на этот счет:

Меняешь фамилию? Предательница.

А ты сильно похудела к свадьбе. Возможно, ты теперь даже стройнее меня. Придется переставить будильник и позаниматься с утра.

Если кто-нибудь еще скажет, что выходит замуж за лучшего друга, клянусь, я блевану.

А это кто еще слева? Она красивее и стройнее меня, и она меня бесит. Возможно, мне стоит зайти к ней на страницу и посмотреть все доступные фотографии, чтобы помучить себя тем, какая она красивая и стройная?

А кого бы я выбрала подружкой невесты? Стоп, Тори. Ты же не веришь в брак. Но это ведь не совсем правда, а, Тори? Это Том не верит в брак. Он не говорил этого в открытую, но дал понять, что совершенно не горит желанием жениться на тебе. Ну и что с того? Тебя же совсем не интересует эта устаревшая чушь.

Я поставила лайк и выключила телефон.

* * *

Будильник прозвонил в ужасную рань – шесть утра. Я тут же выключила его, чтобы не разбудить Тома, и, спотыкаясь, побрела в туалет. Под ногами путалась Кошка, описывая восьмерки, пока я не вывалила щедрую порцию вонючего корма в ее миску. В гостевой спальне я переделалась в дорогой спортивный костюм, хотя никуда не собиралась ехать. Тихонько прокравшись в гостиную, я закрыла дверь, подключила телефон к телевизору, убавила громкость и выбрала программу жиросжигающей интервальной тренировки, доступной по подписке.

Старт.

Выпад, еще один, и еще один. Приседание, еще одно, и еще одно. «А теперь глубокий присед – глубже, еще глубже». «Спина прямая, – напоминает инструкторша. – Мышцы живота напряжены». Я втягиваю живот. «А теперь всерьез примемся за пресс». Туловище вверх, отрываем лопатки. «Не давите на шею при подъеме». «А теперь еще раз выпады». Я думаю о том, как упражнение отразится на моих ногах. Как они станут выглядеть. Стройные, подтянутые, без лишнего жира – все как полагается. Летом я смогу носить короткие юбки, и, увидев мои

ноги, все поймут, что я слежу за телом. «Раз выпад, два выпад, три выпад, сильнее сгибаем в колене ногу, отведенную назад. Тянемся вниз, а не вперед». Гиперактивная инструкторша задорно кричит, она даже не вспотела. Ее стараниями слово «бодрый» открывает новый круг «Ада» Данте.

После тренировки я решила сделать селфи на фоне огромного зеркала в ванной. Но лицо чересчур красное и потное, и я совсем забыла, как ужасно я выгляжу с ненакрашенными бровями – будто на плечах вместо головы сидит яйцо. Достав карандаш из косметички, я затемнила брови. Следом в ход пошли тушь, консилер для кожи вокруг глаз и тинт для губ. Еще одна попытка. *Гораздо лучше.* Но мне все равно пришлось сделать не меньше двадцати снимков, пока я не нашла идеальный баланс между небрежным и уверенным видом – эдакая не совсем естественная естественность. Высветлить снимок – пот высох и застыл на одежде. Выбрать подходящий фильтр – так, чтобы выглядеть еще лучше, но чтобы фильтр при этом не бросался в глаза.

Опубликовать.

Бесячая истина, которая всех бесит номер 256

В здоровом теле здоровый, мать его, дух.

Я всей душой ненавижу кардио. Это приводит меня в ужас. Я совершенно не из тех людей, кто ждет не дожидается пробежки. Но тренировки действительно помогают мне приводить голову в порядок, и это единственная причина, почему я занимаюсь. Не для того, чтобы хорошо выглядеть, – чтобы хорошо себя чувствовать. Если кто-то из вас знает способ, как получить заряд здоровых эндорфинов БЕЗ необходимости потеть, УМОЛЯЮ, поделитесь...
#послетренировки #здоровыйдух

Когда я вышла из душа – побрив ноги и вымыв голову шампунем, придающим объем, количество лайков уже перевалило за шесть сотен. Я сушила волосы, опустив голову вниз для большего объема, и параллельно читала комментарии – как обычно, восторженные. Практически все хвалили меня за позитивный шаг в сторону ментального здоровья. Отлично. На это я и рассчитывала. Но в то же время я чувствовала скачок эндорфинов, когда кто-то из комментаторов не улавливал мою мысль и просто писал, как здорово я выгляжу:

«Вау, какая же ты красивая».

«Ты офигенно выглядишь, Тори, кто твой тренер?»

«Как тебе удалось добиться таких ног?»

Втайне я надеялась именно на это. И мне не пришлось даже давать подсказки, что еще сильнее улучшило мое настроение.

Однако Тома мое тело оставило равнодушным. Когда я вошла в комнату, он пил кофе в постели. Сегодняшняя жалкая попытка убедить его в моей сексуальности – самая жалкая из всех. Я бесцельно слонялась по спальне в очень красивом белье, подобранном для свадьбы. Красный кружевной комплект – откровенный, но без пошлости. В нем моя грудь похожа на красные пирожные – из тех, что обязательно нужно сфотографировать, прежде чем съесть, ведь они из модной кондитерской. Лифчик едва прикрывает соски, а трусики такие прозрачные, что скрывать им нечего. Стоит мне чихнуть, ткань разойдется.

– Доброе утро, – бросил Том, делая глоток кофе. Он снова уткнулся в планшет – в мире столько всего случилось, пока он спал. – Как спалось?

Попытка номер два. Положив руку на бедро, я встала у изножья кровати.

– Отлично, – ответила я, неестественно вытянувшись. – Ты не видел мою зарядку?

Он указал на розетку с его стороны кровати. Вместо того, чтобы подойти, я на четвереньках залезла на кровать и перегнулась через Тома. Мои красные бархатные соски разве что не утонули в его кружке.

– Полегче, Тор. Я чуть кофе не разлил.

Схватив зарядку, я отпрянула. *Не реветь, только бы не зареветь. Остался всего час, а надо еще сделать прическу и макияж, на слезы времени нет.* Я подключила телефон и распрощалась с мечтами о том, что наши отношения когда-нибудь снова станут прекрасными. И тут... Том вдруг игриво шлепнул меня по заднице.

– Классные трусики, Тор. Твоя попка всегда сводит меня с ума.

Мою хандру как рукой сняло. Его лицо озарила проказливая улыбка. Как же я по ней скучала. Он был похож на школьника, который только что окунул мою косичку в чернильницу. Я прильнула к Тому. Плакать некогда, но на секс время найдется. Я смогу привести себя в порядок после секса быстрее, чем после рыданий. Я села к Тому на колени и властно поцеловала его. Целых десять секунд он отвечал на мой поцелуй, а затем положил руки мне на плечи, отстраняясь.

– Не хочу, чтобы ты опоздала на церемонию.

На заре наших отношений, много лет тому назад, Тому было бы наплевать на опоздание – правда, не то чтобы нас часто звали тогда на свадьбы. Секс со мной был для него на первом месте. Пусть даже мы опаздывали. Пусть даже мы в этот день уже дважды занимались сексом. По телевизору передают что-то скучное? Секс это исправит. Однажды мы даже занимались сексом в туалете на свадьбе.

А теперь – никакого секса, а иначе ты опоздаешь на свадьбу, на которую я даже не иду.

Улыбнувшись, я проглотила это унижение. Слезла с Тома, проклиная себя за свое неудачное поведение. Домогательства никого не заводят. Я все испортила. Красные бархатные соски не вскружили ему голову. Я слишком напористо себя вела. Возможно, стоит проявить сдержанность. Изобразить безразличие, ослабить нажим – пусть он начнет беспокоиться. Пусть сам приложит усилия. Это же заводит? Но в прошлом году я уже пыталась играть в недотрогу, и все кончилось тем, что мы с Томом месяц не прикасались друг к другу. (Кажется, он и не заметил. А если и заметил – то только обрадовался.) Но, может, я просто делаю что-то не так?

– Ага, – сказала я. Сняв с вешалки платье, я натянула его через голову. Нанесла на гладкие после бритья ноги немного лосьона. – Если я опоздаю, Джесс голову мне оторвет.

* * *

Затормозив возле дома Ди, я настрочила сообщение:

Тори: Жду снаружи. Прихвати с собой саундтрек к «Мулен Руж».

Сообщение прочитано. Но я все равно выключила мотор. Ди всегда опаздывает в лучшем случае на десять минут и уже даже не извиняется. Парковка здесь была запрещена, но на дороге не было ни души – словно в фильме про постапокалипсис. В Брикстоне царит тишина лишь ранним утром в выходные. Ряды перестроенных викторианских домов кажутся необитаемыми. На окнах плотные шторы. Все спят. Повсюду следы царившего здесь накануне веселья. Троуар усеян остатками пакетов с чипсами и куриных крылышек. Лужица плохо переваренной рвоты подсыхает на весеннем солнышке. Это Лондон – убирать ее никто не собирается. Она останется здесь до тех пор, пока не пройдет дождь или какой-нибудь отчаявшийся голубь не склюет остатки. Я ухмыльнулась, заметив на чьем-то крыльце пустую бутылку из-под фруктового вина. Внезапно сердце заныло от тоски по юности. По тем годам, когда ты пьешь фруктовое вино на крыльце, затягиваешься сигаретой во все легкие и, отчаянно размахивая руками, бурно обсуждаешь с такими же бухими и накуренными друзьями нескончаемые перипетии ваших жизней. На самом деле это вовсе не так забавно – я написала целую книгу о том, что на самом деле это совсем не забавно, – но я тосковала не по веселью, а по спонтанности. Случайная встреча, незапланированная вечеринка, неверный поворот, спонтанная поездка – все

могло перевернуть твой мир с ног на голову в любую минуту, но если поворот событий тебе не нравился, никогда не поздно было все изменить. В те годы я чувствовала себя потерянной. А теперь я будто топчусь на одном месте.

Лучше потеряться, чем застрять...

Дверь распахнулась, и Ди с ворохом вещей в руках осторожно подошла к машине. Она споткнулась, один из пакетов вывалился и упал на дорогу. Пока она тянулась за ним, из рук выпал второй. Ди громко выругалась.

Я опустила стекло.

– Ты в курсе, что мы едем туда только на одну ночь?

– Да, – посмотрела она на меня сердито. – Но я понятия не имею, что надеть, так что мне нужен твой совет.

Я открыла багажник, и она запихнула туда свои пожитки с такой силой, что машина затряслась. Затем Ди плюхнулась на пассажирское сиденье, опустила стекло и тут же пустилась в подробный отчет о минувшем вечере.

– В общем, вчерашний чувак. Господи, Тор. Просто лучшее свидание за все эти годы. Он не отправлял мне фотки своего дряблого члена. В общем-то и фоток стояка тоже не присылал – это уже лучше, но все равно тревожный звоночек. Он позвал меня во вполне приличное место – слава богу, не в «Гордонз». Клянусь, если еще хоть один придурок решит, что «Гордонз» – это классное место, и мы придем туда и будем стоять в очереди в неловком молчании, окруженные такими же молчаливыми неудачниками, пришедшими на неудачное свидание, – я брошу пить вино. Так вот. Он пригласил меня в настоящий ресторан – все как полагается, полотняные салфетки...

Я как могла поддерживала разговор, лавируя между шипящими и виляющими автобусами и целеустремленными бегунами, которые выскакивали на дорогу прямо передо мной. Ближе к концу истории мы вынырнули на Южную кольцевую дорогу. К моему удивлению, пробок здесь не было. Я прибавила скорость, порыв ветра разметал волосы Ди по ее лицу.

– И тут свидание подходит к концу, – продолжала она. – Я давно так не мечтала о поцелуе. Я прямо жаждала его поцелуя. И все к тому и шло. Наклон, поворот головы, подбородок под нужным углом – вся эта бодяга. И тут, прямо перед финальным актом, он вдруг замирает и говорит: «Мне нужно тебе кое в чем признаться».

– Боже, – я включила левый поворотник, намереваясь перестроиться, и выругалась: автобус меня не пропустил, – ничего хорошего это не сулит.

– Без тебя знаю. Но мало ли, вдруг он воевать собирался.

– Ди, дорогая моя, мы ни с кем сейчас не воюем.

– Вечно ты все портишь. – Она запрокинула голову и рассмеялась. – Ну так вот, я подумала, что-то в этом есть. Меня вполне устроит быть замужем за военным. Месяцами живу как мне вздумается, в армии нам выделяют симпатичный домик...

– Быстро же вы успели пожениться.

– Это было прекрасное свидание. Тебе этого не понять, Тор. Ну короче. Я вся такая понимающая, готова, значит, дожидаться его со службы или куда он там собрался. И тут он говорит: «Не знаю, как и сказать, но я женат».

Я покачала головой и посмотрела в зеркало заднего вида. Меня это не удивило. После бесконечных историй Ди о свиданиях меня уже ничто не могло удивить.

– И я такая: «Все ясно», а он весь побледнел: «Нет-нет, я не такой, правда. Мне не нужна интрижка на стороне». Я спрашиваю, мол, почему же ты тогда не развелся, а он: «Я очень хочу развестись, но не могу ее найти».

– Найти?

– Ага.

– Она что, связка ключей?

– Она сбежала от него и исчезла с концами. Так он, по крайней мере, говорит.

Мне пришлось отвлечься от ее рассказа: мы поворачивали на М40. Фура явно не собиралась меня пропускать, и мне пришлось разогнаться до 90 миль в час на скользкой дороге, чтобы проскочить перед этой смертоносной машиной. Нас подхватил поток машин, спешивших прочь из Лондона по своим неважным субботним делам. Сердце не сразу вернулось в свой обычный ритм: мы едва избежали аварии.

– Ну так вот, – продолжала Ди, совершенно не заметив, что мы были на волосок от гибели. – Что же он такого сделал, что она исчезла? Послушать его, так это у нее были не все дома. Он все разливался, какая она чокнутая и что это исчезновение было «в ее духе».

– Ставлю на то, что она чокнулась после встречи с ним, – заметила я.

– Сто процентов! – Ди вскинула руки, золотой лак на ногтях засиял в лучах солнца. Он так хорошо сочетался с ее темно-рыжими волосами, что я почувствовала укол зависти – волосы Ди всегда вызывали у меня зависть. – Последние шесть парней, с которыми я ходила на свидания, твердили, мол, все их девушки были чокнутыми. А я им говорю: «Чувак, а ты не чувствуешь закономерность? Проблема в тебе!» Ладно, хрен с ними со всеми. Давай уже споем «Elephant Love Medley».

– Я, чур, за Николь.

– Ты всегда поешь партию Николь!

– Вообще-то я за рулем.

– А я оказала тебе честь, став твоей сопровождающей.

* * *

В итоге мы договорились петь партии по очереди. За четыре повтора «Elephant Love Medley» и три «Come What May» мы добрались до М40 – городские пейзажи уступили место деревьям, овцам и просторам. В небе на невидимых воздушных потоках парили и кружили ястребы. По обе стороны дороги, насколько хватало взгляда, простирались зеленые пастбища. Меня охватило странное чувство – как всегда, стоит только покинуть Лондон. Это ощущение, что за городом есть жизнь и что я заслуживаю большего пространства, чем дает мне город. Но в то же время, говорю я себе с ноткой высокомерия, «чем здесь вообще занимаются люди?».

Мы заехали на заправку и купили кофе. Я сделала несколько фото, чтобы все оценили мой маникюр.

– Я притворюсь, будто не заметила, – сказала Ди, добавляя два пакетика сахара в свой флэт-уайт.

– Кто бы говорил. Я видела твой пост на прошлой неделе про «прекрасный закат».

Она вскинула руки.

– Виновна!

Мы вернулись к машине. За наше недолгое отсутствие она успела раскиснуть, и внутри была парилка. Прекрасный день, прогноз погоды был оптимистичен. Джесс очень повезло. Снимки получатся отличные, а еще неожиданно хорошая погода станет прекрасной темой для предобеденной беседы. Мы вновь выехали на М40. Одной рукой я вела машину, а в другой держала стаканчик с кофе.

– Я забыла, чья это вообще свадьба? – спросила Ди, жуя круассан.

– Джессики, мы с ней в детстве жили по соседству.

– И за кого она выходит замуж? Ты его знаешь?

Я прикусила губу.

– Тим. Он финансист.

– Бедняжка Джесс, – сочувственно пробормотала Ди.

– Не делай поспешных выводов, – улыbnулась я. – Он мне раза два, если не больше, говорил, что он «не похож на обычных финансистов».

Ди попыталась выхватить у меня руль.

– Разворачивайся, Тор. Я не поеду на эту свадьбу.

– Да хватит уже, – крикнула я, смеясь, и стукнула ее по руке.

– Он ведь не единственный финансист на свадьбе?

– Наверное.

Стараниями Ди машина выехала на полосу для обгона. Я мило улыbnулась и изобразила раскаяние перед водителем, который нам посигналил. Он пролетел мимо нас, не переставая грозить кулаком.

– Ясно, почему Том слился.

– Финансисты тут ни при чем. У него интервью.

– Да-да, я помню. Но какое приятное совпадение.

Я крепко сжала руль. Ди прикончила круассан и смахнула с себя похожие на перхоть крошки.

– Давай сыграем в игру: каждый раз, когда кто-нибудь говорит «я не похож на обычных финансистов», мы будем пить.

– Но тогда к тому моменту, как все начнут произносить речи, мы уже будем в отключке!

– В этом и смысл! Или давай вообще превратим весь день в одну большую алкоигру.

– Даже не знаю. Печень вообще-то довольно важный орган. И какие же у этой игры правила?

– Элементарные! – Ди вытащила из черной кожаной сумки ручку и какой-то чек. – Мы должны будем пить при каждом свадебном штампе. Ну, например, невеста молчит, пока все произносят речи.

Она принялась записывать идеи округлым почерком.

Я улыbnулась и задумалась.

– Как насчет фотобудки с дурацкими аксессуарами?

– Точно! – Ди вскинула кулак и записала это на чеке, положив его прямо на коленки, припорошенные остатками круассана. – А еще если прозвучит дурацкая шутка в момент «пусть скажет сейчас или молчит вечно».

– Супер. А еще если кто-то процитирует отрывок из «Мандолины капитана Корелли».

– А шафер отпустит дурацкую шутку про то, как они позвали стриптизершу на мальчишник.

– А еще они сделали «кое-что не совсем обычное» со свадебным тортом – например, это пирожные! – продолжала я.

– О даааа! И сверху глазированные фигурки. Отлично, просто отлично.

На чеке кончилось место, и Ди полезла в сумку за новым.

– Так, записала. А как насчет вот этого? Фотограф снимает а) как подружки невесты подпрыгивают, и/или б) друзья жениха держат на вытянутых руках эту Джесс.

Я вспомнила, как вчера смотрела на фото подружек Джесс – никаких сомнений, что нас ждет снимок, где все они будут прыгать. Я кивнула.

– И если жених скажет «ты сегодня просто прекрасна» или «я сразу понял, что это Она», – добавила я, и Ди записала.

– БОНУС ЗА РЫДАНИЯ! – вскричала Ди. – И, клянусь, Тор, если у них будет поставлен первый танец, я нам обеим в глаза залью по бутылке водки!

Я чуть не лопнула со смеху, и мы чудом не выехали на соседнюю полосу. *Слава богу*, подумалось мне, *что рядом Ди, а не Том*. Я не знала, что это значит, и сейчас у меня не хватало эмоциональной энергии даже подумать об этом. Убрав одну руку с руля, я потрепала ее по плечу: пусть знает, что она классная и забавная.

– Мы очень плохие люди, да? – спросила я. Ни тени раскаяния в голосе, я продолжала смеяться.

Но Ди, внезапно посерьезнев, покачала головой.

– Нет, Тор. – Она вздохнула и убрала исписанный чек. – Просто глупо, что все уступают стадному чувству.

* * *

Мы петляли по подъездной дорожке, которая вела к загородному отелю, представлявшему собой локацию для свадьбы мечты. Здесь было озеро, над которым, касаясь воды, склонили ветви деревья. Старинные каменные статуи – слегка замшелые, но еще красивые. Великолепный вид. Чисто выкошенная лужайка.

Мы вселились в номер, который даже с учетом «огромной скидки для гостей» от Джессики обошелся нам в 215 фунтов. Я помогла Ди донести вещи, и она тут же свалила свои пожитки на лучшую кровать, застолбив тем самым ее за собой. Комната утопала в потертой роскоши: все еще достаточно хороша, чтобы выложить фотографию, но ей не помешал бы ремонт. Кровать с балдахином из белого шелка отвлекала на себя внимание от подтеков на пятнистом, точно далматинец, потолке, и от краски, потрескавшейся на эркерах.

– Давай выберем мне платье, – сказала Ди. Передо мной как из рога изобилия посыпались всевозможные наряды, а я успевала завивать волосы, давать комментарии и без конца проверять телефон. Утренний пост имел успех. Я распылила термозащитный спрей на пряди тонких волос, тщательно расчесала и, медленно поворачивая ладонь, завила пряди с помощью стайлера. Затем подергала каждый локон пальцами, подождала, пока волосы остынут, и разделила пряди. Наконец, закрепила укладку спреем «Элнет» от «Л'Ореаль», ведь все говорят, что он лучший.

В конце концов Ди остановила выбор на платье с запахом в черно-белый горох, нанесла красную помаду и нарисовала стрелки на веках – вылитая киногероиня из 50-х.

– Пипец я толстуха, – простонала она, пытаясь отстранить меня от зеркала, где освещение было лучше.

– Ой, да не смеши ты, тоже мне толстуха.

Ну, вообще-то она полновата – следствие работы в школе, где, по ее словам, учителя насильно скармливают друг другу печенье. Но я бы никогда не произнесла этого вслух.

– Тебе хорошо говорить, – жаловалась Ди, обводя губы красным контурным карандашом. – Ты худышка.

– Вовсе нет, – запротестовала я, хотя на душе потеплело от этого комплимента. *Ты стройная, и это прекрасно: это прекрасно просто потому, что кто-то называл тебя стройной.* – Ну ладно, если я и стройная, то только потому, что я глубоко несчастна, – сказала я. – Уж лучше быть счастливой.

Ди так расхохоталась, что подводка едва не размазалась.

– Я рада, что мое несчастье так тебя забавляет, – сказала я с серьезным видом.

– Но это же правда смешно! Гуру саморазвития...

– Захлопнись.

Мы улыбнулись нашим отражениям. Любовь к Ди бурлила во мне, будто икота.

– Ты правда думаешь, что кто-то в жизни счастлив? – спросила Ди, заново подводя губы.

Я задумалась, параллельно пытаюсь сообразить, какую прядь мне заколоть так, чтобы придать прическе объема и смягчить линию челюсти.

– Они *кажутся* счастливыми, – сказала я. – Джессика, например, просто обязана сегодня купаться в счастье. Это же ее свадьба.

– Думаешь, она стала бы выходить за него, если бы не тот факт, что ей тридцать один?

С языка была готова сорваться ложь.

– Давай начистоту, – попросила Ди.

Подумав, я покачала головой. Джессика из моего детства никогда в жизни не вышла бы за финансиста. Что, если Тим – всего лишь гиперкомпенсация после ужасного расставания? Но теперь она играет свадьбу с этой гиперкомпенсацией...

– Я так и знала. – Ди кивнула, и, к моей зависти, волосы волной рассыпались по ее плечам. – Тор, скажи спасибо, что ты не связана навеки с Томом. Ну правда. Свадьба – не залог счастья, особенно если ты, едва тебе исполнилось тридцать, выходишь замуж за первого попавшегося парня просто потому, что все вокруг так делают.

– Возможно, ты права... – Мой телефон завибрировал, и я схватила его. Новая порция признания, лайков, восхищения. Телефон почти сел, и я принялась рыться в чемодане в поисках зарядки. Низкий заряд батареи вызывает у меня чувства, близкие к панике.

– Разумеется, я права, – заявила Ди. – Тридцать лет – это как та игра, где все бегают вокруг стульев под музыку. Стоит музыке замолчать, все тут же бросаются замуж за того, на кого они уселись. Ну как, Тор? – Повернувшись, она надула губы. – Эта помада подходит к волосам?

* * *

Вскоре мы уже были при полном параде – ведь нас будут снимать два профессиональных фотографа, чьи услуги обойдутся дороже тысячи фунтов. В обязанности первого входили «постановочные фотографии» – их Джессика с Тимом поставят на каминную полку или вставят в фотоальбом с дизайнерской бумагой (еще 700 фунтов). Второй отвечал за «естественные снимки»: которые должны были продемонстрировать всем, какая это *позитивная* пара и какие у нее *позитивные* друзья. Смотрите, как мы говорим и смеемся, разбившись на кружки, – сплошной *позитив*.

Мы с Ди крутились возле часовенки при отеле, поддерживая светскую беседу с едва знакомыми людьми. Вокруг нас вился фотограф, не давая сосредоточиться. Я притворялась, будто мне интересно слушать про чью-то работу и обсуждать прекрасную погоду, но больше всего меня волновало, что меня снимают с невыгодного ракурса: так мой подбородок кажется слишком большим. Я следила за тем, чтобы правильно улыбаться: когда, два месяца спустя, фото загрузят на сайт, люди должны оценить мою красоту. Даже если они будут пролистывать снимки, чтобы проверить, как выглядят *они*, я все равно обязана казаться красивой.

В конце концов мы попали в часовенку, и я заметила знакомых, не попавших в число подружек невесты. Андреа окликнула меня по имени и знаками указала на места, которые заняла для нас. Я обняла ее и Оливию, чей живот обтягивало изящное платье для беременных.

– О боже! Вот это живот! – преувеличенно радостно воскликнула я, сказала Оливии, что она вся сияет, и поздравила Стивена. – Это моя университетская подруга Ди. Сегодня она моя сопровождающая.

Я представила Ди собравшихся – она пожала им руки, включив обаяние учительницы начальной школы.

– Какое прекрасное платье, – сказала она Андреа. – Откуда оно?

И они принялись обсуждать неожиданно удачную коллекцию в «Маркс энд Спенсер», а затем пошутили, что, может, это просто мы постарели.

– А где Том? – спросил Стивен. Заметив, что он единственный представитель мужского пола в нашем ряду, он встревожился. А еще Том всегда желанный гость. Душа компании. Сколько раз я наблюдала, как огорчаются люди, узнав, что я пришла одна.

– Увы, у него интервью, он не смог ответить, – ответила я, отдельно упомянув название издания: это была известная газета, и мне хотелось дать Стивену понять, что Том не смог

прийти на свадьбу только из-за своих впечатляющих карьерных успехов. Том – журналист, пишущий о путешествиях.

Стивен впечатлился.

– Да вы просто звездная парочка.

Я рассмеялась и принялась все отрицать, но меня грела мысль о том, какими мы выглядим со стороны.

Но тут я наострила уши: соседняя беседа все больше походила на сплетни.

Андреа едва слышно жаловалась, что Джессика запретила приводить детей на свадьбу.

– Мне пришлось оставить Дилана дома с Сэмом, – вздохнула она. – Конечно, это праздник Джессики, но мы не можем позволить себе няню, и... Но вообще-то я была в шоке. Хотя это обычная история. Пока своих детей нет, тебе не понять...

Оливия кивнула, погладив живот с таким видом, словно его лично оскорбили. Она бормотала «ну да», «это действительно нелегко» и «люди просто не понимают, как дорого обходится няня». Повернувшись к Стивену, она спросила, что думает он, и ему хватило ума согласиться с ней. Я кивала для вида в нужных местах, но Андреа успела завестись. Негодование кипело в ней с тех самых пор, как на ее пороге появилось приглашение на кремовой бумаге – вкупе с вежливой просьбой оставить ребенка дома на шесть часов, до вечера.

Заскучав – и втайне эгоистично порадовавшись, что вокруг не бегают надоедливые дети, – я оглядела зал, которому усиленно пытались придать атмосферу церкви. Из каждого угла торчали нарциссы, и я ощутила раздражение – я всегда мечтала, что на *моей* свадьбе будут нарциссы, а теперь Джессика будет думать, что я ей подражаю.

– Это он финансист? – шепотом спросила Ди, указывая вперед.

Я кивнула. Финансист Тим сидел в первом ряду в мешковатом голубом сюртуке и напоминал ребенка, надевшего папин костюм. Я была готова биться об заклад на все свои сбережения, что ремень розового цвета он выбрал по настоянию Джессики. Он знал, что находится в центре внимания, и изобразил панику – начал нервно кусать ногти, будто он весь на взводе. Вокруг нас раздались смешки. Фотограф, делавший «естественные снимки», щелкнул затвором. Другой фотограф попросил Тима повторить. И вот уже оба фотографа скрючились в проходе, и Тим позировал им еще с полминуты.

– Говоришь, совсем не похож на обычных финансистов? – протянула Ди, и я захихикала.

– Конечно. Вот начнутся танцы, и тогда...

Комната погрузилась в тишину – видимо, сзади подали сигнал. Мы все тут же встали. Сейчас появится Джессика и продефилирует по проходу, а наша задача – стать свидетелями этого волшебного события. Откуда ни возьмись рядом с клавишником возник скрипач, и музыканты прилежно заиграли Джеймса Бланта. Мы повернулись к уставленному нарциссами проходу и увидели, что подружки невесты выстроились в ряд, слегка улыбаясь. Их тела были затянуты в обтягивающие розовые платья – Джессика обманывала саму себя, считая, что они красивые и подчеркивают их достоинства. Волосы уложены на один бок. Раскрасневшиеся щеки, блестящие розовые губы. Настал главный миг, и все замерли в предвкушении, будто в комнату вот-вот войдет звезда. Но Джессика и в самом деле звезда – пускай даже лишь на сегодняшний вечер. Это ее свадьба, и весь этот микрокосм будет кружить вокруг нее весь день, чтобы она почувствовала себя особенной и ничуть не жалела о выброшенных на ветер двадцати тысячах фунтов. Вот и она.

Джессика вошла в зал, и мы повернулись и вытянули шеи, чтобы лучше разглядеть ее. Я немедленно начала оценивать ее образ. Идет ли ей платье? Что у нее за прическа? Уместен ли ее макияж? Это приобретенный рефлекс: *хорошо ли ты выглядишь, все ли на своем месте, выдержала ли ты стиль? Берегись, если нет: под вечер мы примемся втихаря высмеивать тебя как настоящие стервы.*

Но Джессика, которая как раз проходила мимо нас, выглядела отлично. Роскошно. Скромно. Руки тонкие – она могла позволить себе платье-бюстье. Она безмятежно улыбалась, будто во сне, и прижимала к груди нарциссы. Вот-вот окончатся годы волнений: вдруг этот миг никогда не наступит? Я широко улыбнулась ей, но она не заметила, и у меня слегка защемило сердце: сегодня не я в центре внимания. Платье Джесс – элегантное, дорогое и белоснежное. Она подошла к алтарю, в глазах Тима читалось неподдельное восхищение, а мне пришла в голову непрошенная мысль. Джессике было двадцать семь, когда Джейми порвал с ней. Больше года она лечила разбитое сердце джином и случайными любовниками. И все равно она сегодня в белом. Кому нужна девственность, когда белое кружево обойдется вам в две тысячи фунтов? Дженни Пэкхэм¹ вернет вам утраченную невинность.

Какая же я циничная. Но это ненадолго.

Церемония началась, и я восхищалась каждым красивым мгновением. На глаза навернулись слезы. Боже, Тим так смотрел на Джессику – точно она бриллиант чистой воды, ответ на все его вопросы, богиня во плоти. Он прослезился, голос, произносивший клятвы, задрожал. Джессику обуревали чувства, она крепко вцепилась в его ладонь, будто он сжимал ожерелье с «Титаника». Настало время речей, друг Тима встал и, нервничая, подошел к микрофону.

– Я хотел бы прочесть отрывок из «Мандолины капитана Корелли», – сказал он и откашлялся.

Ди пнула меня под стулом.

– Первый пошел! – шепнула она.

Я едва не закатила глаза. Друг Тима процитировал, что любовь – это временное помешательство. К концу отрывка – где говорится о том, что мы одно дерево, а не два, – я снова едва не прослезилась.

Это чертовски хороший текст.

Оставшуюся часть церемонии я размышляла о Томе. Как бы он выглядел на нашей свадьбе? С каким выражением смотрел бы на меня у алтаря? Он бы надел зеленый костюм – так его глаза выглядят ярче, а я нарочно не стала бы надевать белое. Интересно, какие моменты нашей совместной жизни он упомянул бы в своей речи? Капитан Корелли успокоил меня. Глупо думать, что любовь остается неизменной. Пускай часть лепестков опала, так происходит всегда. Наши чувства не утихли, просто мы вместе уже шесть лет. Но разве у других с годами не так? Меньше секса, больше сериалов. Накопившееся раздражение вместо спонтанных поездок. Женщина-регистратор объявила Джессику и Тима мужем и женой, под наши возгласы и аплодисменты они обменялись очень фотогеничным поцелуем. Мне нельзя рыдать. Не здесь. Тем более, когда Ди под боком.

Наступила скучная часть – подписание документов. Скрипач начал выводить какую-то замысловатую мелодию, а мы повернулись друг к другу и начали обмениваться впечатлениями. Первоначальная застенчивость прошла. Публичное признание в любви Джессики и Тима сплотило нас и растопило лед. К тому же у нас появилась новая удобная тема для беседы – какой прекрасной была церемония.

Повернувшись ко мне, Ди заявила:

– Что ж, все было довольно безобидно, но нам причитается не менее двух бокалов.

В конце концов виновники торжества освободились. Фотографы бешено щелкали затворами, пытаясь поймать лучший кадр пары, которая шла вдоль прохода – снимок на миллион. Мы все встали и выставили перед собой телефоны, чтобы выложить хорошую фотографию в сеть. Джессика и Тим шли, едва переставляя ноги, – они прекрасно знали, что их все снимают и что это их единственный шанс запечатлеть этот миг навеки. Фотограф попросил их замереть на середине пути, они послушались и с улыбкой посмотрели друг на друга: их глаза сияли

¹ Британский дизайнер свадебных платьев. (Здесь и далее примечания переводчика.).

любовью. И тут Джессика повернулась к фотографу и спросила: «Ну как, получилось? Или нам повторить?»

* * *

Мы долго слонялись по залу, пока официанты в смокингах то и дело подливали нам шампанское. Нас привели к живописной оранжерее, где мы кружили, болтали и спрашивали официантов, что они разносят на серебряных блюдах.

- Перепелиное яйцо-пашот с шотландским копченым лососем на булочке бриошь.
- Рулеты с прошутто и сельдереем.
- Блины с ростбифом и сметаной.

Ди взяла по одному с каждого блюда и положила на ладонь как на сервировочную тарелку.

– Крекеры здесь не подают, да? – спросила она. – Думаю, я не ошибусь, если скажу, что никто из присутствующих не отказался бы сейчас от крекеров.

Вегетарианская закуска здесь только одна – «шашлык» из помидорки черри, моцареллы и одинокого листика базилика. Я охотилась за ней с решимостью старой девы, которая ищет, кого бы поцеловать перед тем, как часы пробьют двенадцать. Мне удалось выпепить три штуки – слишком мало, учитывая количество шампанского, которое Ди вливала мне в глотку.

– Этот бокал за капитана Корелли, а этот – за дурацкую схему рассадки по мотивам Джеймса Бонда, я только что это увидела. Между прочим, с нами будет сидеть некто Найджел. Кого на хрен вообще в наше время и в нашем возрасте так называют? Представь только: лежит крохотный младенец, а его зовут *Найджел*!

С Джессикой нам удалось поговорить только однажды: в перерывах грандиозной фотосессии на лужайке она лихорадочно благодарила гостей. Я представила ей Ди, хотя они обе были на моем тридцатом дне рождения. Мы на два голоса расхваливали, какая она красивая, какое элегантное у нее платье. Джесс рассыпалась в благодарностях, а сама смотрела в сторону, выискивая гостей, с которыми еще не здоровалась.

Многие подходили к нам и поздравляли меня с успехами. «Вы же писательница?», «Моя племянница обожает вашу книгу», «Вы никогда не думали экранизировать вашу книгу?». Вспыхнув, я отвечала: «В этом нет ничего особенного». Разыгрывала из себя скромницу, но, говоря по правде, их слова мне льстили.

Появилось блюдо с куриными шашлычками в тайском стиле, и теперь весь ближайший час, пока нас не позовут на ужин, всем гостям обеспечен неприятный запах изо рта. Извинившись, я вышла в уборную, чтобы сполоснуть руки холодной водой.

И написала сообщение Тому:

Тори: Свадьба проходит отлично. Как твоё интервью? Люблю тебя.

Бессчетное количество бокалов спустя мы оказались за столом под названием «Осьминожка». Ди и Найджел удивительно хорошо ладили, а я с тоской уставилась на крошечную – на один зубок – слойку, мой вегетарианский паек.

– О да, начальная школа – это *здорово*, – радостно объявила Ди, откинув гриву медных волос. – Я веду уроки только у малышни. Никаких выпускных экзаменов, никакого переходного возраста, большое спасибо. Мне платят за то, чтобы я возилась в песочнице, и я нисколько не возражаю.

– Ди? – позвала я ее. Говорила я неожиданно невнятно. – Поделишься своей слойкой?

Она кивнула, даже не повернувшись, и я тут же схватила булочку, разорвала ее на кусочки и набила рот. Я ненадолго потеряла нить происходящего, от вина пересохло во рту, а в голове стоял туман. На другом краю стола Андреа и Оливия пересказывали Стивену дурацкие исто-

рии времен средней школы, которые он наверняка уже слышал. Андреа успела оправиться от обиды на приглашение без ребенка и выглядела раз в десять пьянее меня. Она наливала белое вино в бокал, будто это был эликсир жизни. Половина бутылки выплеснулась на отутюженную кремовую скатерть, что вызвало у Андреа приступ истерического смеха.

– Чем ты занимаешься? – спросил друг Найджела: а о чем еще говорить, если тема, откуда вы знаете жениха и невесту, уже исчерпана (они с Тимом вместе учились в универе).

Я сделала глоток.

– Я писатель. Слушай, а ты будешь есть свою слойку?

– Писатель? Ничего себе! – сказал он: стандартный ответ. Его имя уже успело вылететь у меня из головы.

– Это известная книга? – продолжал он: стандартный вопрос.

– Это книга по личностному росту, где я пишу о собственном опыте. Называется «Негодная: как я послала на хрен чужие правила».

Я ждала, когда его лице появится недоверие, ведь он наверняка о ней слышал.

Ага. Вот и оно.

– Ого, я знаю такую.

Моя улыбка могла бы обратить в камень Медузу Горгону.

– Чего только не бывает.

Он пустился в рассуждения о том, что всегда мечтал написать книгу, что мне совершенно необходимо продать права на экранизацию, потому что все деньги в кино, и как жаль, что у него нет времени написать книгу, и тут наконец подошло время произносить речи.

Я отчаянно надеялась, что Джессика произнесет речь. *Прошу тебя, скажи что-нибудь, прошу-прошу-прошу. Оторви уже задницу от стула и скажи какую-нибудь хрень. У тебя же диплом магистра. Ну скажи уже что-нибудь, пожалуйста-пожалуйста-пожалуйста.* Но она молчала. Сидела в своем платье от Дженни Пэкхэм и аккуратно промокала глаза, когда отец говорил, как гордится ею, и застенчиво улыбалась, когда Тим сказал кульминационное «Мне не хватает слов выразить, как ты прекрасна сегодня». Ди сумела ненадолго оторваться от Найджела и указала мне на бокал. Вздохнув, я влила в голодное тело еще порцию обжигающе кислого вина. Шафер отпустил шутку насчет проституток в Амстердаме, друзья жениха одобрительно завопили, а я думала о том, скольких проституток нелегально ввозят в Амстердам, а потом их постоянно насилуют сутенеры, но едва ли это подходящая тема для свадебной вечеринки. В конце концов все это закончилось и начались кошмарные танцы.

Я одинока.

И пьяна сильнее, чем следовало бы.

И буквально умираю от голода.

* * *

Наверняка молодожены исполнили первый танец, но здесь в моей памяти провал. Мы с Ди провели добрых четверть часа в туалете, хохоча и делая селфи за селфи. Схватив меня за плечо – взгляд расфокусирован, – она спросила: «Найджел и в самом деле классный или я просто надралась?»

– Одно другого не исключает.

Она восприняла это как одобрение. С тех пор они буквально прилипли друг к другу, склонив головы поближе, чтобы слышать друг друга вопреки громкой музыке. Мне пришлось присоединиться к кружку неуклюже танцевавших Андреа и Оливии. Стемнело, разрешили привезти детей, и те рассыпались по танцполу в мини-фракках из «Некста», умилая взрослых. Андреа взяла ребенка на руки, и мы исполнили хлоп-притоп под «Hi Ho Silver Lining». В какой-

то момент Джессика промчалась мимо нас в сторону диджея, бормоча: «Этого не было в нашем плейлисте!»

* * *

Я стояла снаружи, было прохладно. Том прислал ответ.

Том: Рад, что у вас весело. Подкаст прошел хорошо. Тоже люблю тебя. X

Победив клавиатуру, я настрочила ответ:

Тори: Без тебя все не то. Обожаю тебя. Люблю тебя. Целую. Увидимся завтра люблю тебя

Желудок уже переваривал сам себя, рот наполнился слюной, меня легко могло стошнить. Бинго! Я отыскала приложение по доставке еды и заказала пиццу к парадному входу в отель. Вегетарианская делюкс. Большая. Да-да, и бутылка колы. Моя маленькая тайна. Я вернулась на танцпол в поисках Ди, чтобы предупредить ее. Но увидела лишь ее затылок – она целовалась с Найджелом. Прямо посреди танцпола. Прямо под дискошаром. Не обращая ни малейшего внимания на детей, которые, толкая их, спешили к дым-машине. Мне стало тоскливо. Пусть даже с утра она об этом пожалеет, прямо сейчас она явно наслаждается. Когда мы в последний раз целовались с Томом по-настоящему – с языком, самозабвенно, как подростки, которые еще не готовы к сексу? Я вышла на улицу и проковыляла к воротам – каблуки то и дело увязали в траве. Хорошо, что я заказала пиццу. Только что внесли жареного кабана – подвыпившие гости тут же набросились на свинью на вертеле. Лучше, чем шашлыки, которые подавали еще десять лет назад, – но гораздо дороже. Подвернув ногу, я выругалась. Остановилась под деревом и проверила телефон – не ответил ли Том. Тишина. Я решила перечитать его прошлое сообщение: он и в самом деле ответил «Тоже люблю тебя». Да, немного формально, но некоторые и за всю жизнь ни разу не слышат этих слов.

Мне повезло.

Мне очень повезло.

Боже, я так одинока. Так одинока.

Я уселась прямо на траву. Платье пропиталось росой, красный шифон собрался мокрыми складками, но мне было плевать. Я просмотрела наши с Ди селфи, выбирая лучшее – оно должно воплощать в себе все, что я хочу показать миру. Все должны думать, что я забавная, красивая, легкомысленная, но не простушка, и что я не воспринимаю себя всерьез. На одном из снимков я казалась одновременно красивой и беззаботной. Это не лучшее фото Ди. Ее глаза слегка косят, на других снимках она получилась лучше меня. Но она все равно вышла неплохо, так что возмущаться не станет. Я выбрала фильтр и добавила рамку, чтобы скрыть, что фото сделано в туалете.

Подпись: Дорогие мои негодники, с такими друзьями, клянусь, ГОРЫ можно свернуть. #женскаядружбанавек #моялучшаяподругасегодняплюсодин #даязалилаводкувглаза

«Опубликовать». Я плюхнулась на мокрую траву, ожидая волны лайков. Сейчас телефон оживет. Я отлично вышла на этой фотографии. Такой и должна быть Тори. У этой Тори есть друзья, настоящая жизнь, она легкомысленна, ей весело – кто не захочет оказаться на ее месте?

Хотела бы я быть на ее месте.

Сквозь туман от шампанского и сухость во рту, которая становилась все сильнее, я осознавала, что вообще-то я и есть она. Я и есть Тори, у меня есть друзья, я веду интересную жизнь, и мне весело. Никакого обмана.

Чистая правда.

Но если это правда, почему я так стараюсь продемонстрировать ее всем?

Меня ослепил свет фар, и я, пошатываясь, поспешила к воротам – нужно было перехватить доставщика пиццы до того, как он приблизится к отелю. Я сделала попытку счистить грязь с платья, но оно, похоже, безнадежно испорчено. Впрочем, все равно никто не станет надевать одно и то же платье на разные свадьбы. Я порылась в клатче в поисках налички и двинулась в сторону фар. Махнула рукой, чтобы машина остановилась.

Разносчик пиццы вытащил сумку.

– Доставка для Виктории?

Запах пиццы пробудил во мне тысячи воспоминаний. Мой первый парень, Джонни, тоже развозил пиццу. После ночной смены мы ехали на какую-то парковку и тискались на заднем сиденье, и я притворялась, будто мне с ним здорово.

– Да, это я, – сказала я пареньку и потянулась за теплой коробкой, от которой исходил аромат моей юности. Я протянула ему деньги, и он никак не стал комментировать странный выбор места для доставки. Боже, да этот паренек просто вылитый Джонни. Та же прическа, та же сгорбленная походка. Меня так и подмывало сказать этому семнадцатилетнему парнишке, до чего он похож на моего первого парня. Но мне тридцать один, и это будет выглядеть жалко. Поэтому я просто поблагодарила его и, вручив чаевые, смотрела, как он садится в машину.

Он выехал за кованые ворота, из его допотопного «Пежо» играла музыка. Скрестив ноги, я положила коробку на колени и в темноте сожрала пиццу.

Месяц второй

Рецензия на турне в поддержку летнего издания «Негодная: как я послала на хрен чужие правила».

Эксперт в области кризиса первой четверти жизни, Тори Бейли, не боится говорить людям правду. Честную правду без прикрас о том, какое давление испытывают девушки, когда на них обрушиваются сотни «ты должна». Это турне не разочарует поклонников, которые следят за откровенными итогами первых двадцати лет жизни Тори, которые и привели ее к написанию бестселлера «Негодная: как я послала на хрен чужие правила». Для нее нет запретных тем. Тори идет наперекор ожиданиям общества, идет ли речь о трудностях неоплачиваемых стажировок, неумелом куннилинге или о том случае, когда она оскорбила пафосного йога. Это турне – прекрасное напоминание, что и вам не стоит им поддаваться. Но аудитория Тори взрослеет, им интересно было бы узнать ее мнение о следующей главе жизни. Уверена, я не единственная, кто был разочарован, узнав, что «новая книга» – это всего лишь переиздание оригинала с новым предисловием. Считай это комплиментом, Тори: какого хрена?! Мы хотим еще!

Тори: <http://guardian.co.uk/who-the-fuck-am-i-tour-review>

Что за сучка это написала?

Ди: О БОЖЕ. Как она посмела написать хвалебную рецензию в «Гардиан»? ДАВАЙ СОЖЖЕМ ЕЕ ДОМ.

Тори: «Уверена, я не единственная, кто был разочарован, узнав, что „новая книга“ – всего лишь переиздание».

Тори: КНИГА ВЫШЛА С ТЕМ ЖЕ НАЗВАНИЕМ И ФРАЗОЙ «ТЕПЕРЬ С ПРЕДИСЛОВИЕМ» НА ОБЛОЖКЕ. ОЧЕВИДНО ЖЕ!

Ди: Сочувствия от меня ты не дождешься.

Тори: А вина с тобой я дождусь? Давай встретимся вечером?

Ди: Я не пью! Эти стервецы в школе меня заразили какой-то хренью. Как насчет кофе? На кофе я согласна. Завтра утром?

Тори: Заметано! Расскажешь мне про ваше последнее свидание с Найджелом.

Тори: До сих пор не верится, что ты встречаешься с кем-то по имени Найджел.

Тори: Найджел

Тори: НАЙДЖЕЛ

Тори: Найджел Найджел Найджел Найджел Найджел

Ди: В 11 в «Лидо»? Говорят, там очень фотогеничный кофе.

Тори: Окей, Найджел.

Ди: Я тебя ненавижу.

Тори: Прости, Найджел.

Свободных столиков не было, и нам пришлось подождать. Местный кофе отлично получается на снимках в ракурсе сверху. Ради этого все и выстаивают очередь. Это прекрасный способ наполнить свою ленту доказательствами того, какие они интересные люди – пьют кофе, собранный вручную. Но ожидание нас не тяготило: можно было наблюдать, как рассекают бассейн пловцы в спортивных купальниках. Правда, в этот раз там было почти пусто – хотя на

дворе стоял май, теплее не становилось. Мы с Ди сфоткали бассейн, хотя были здесь миллион раз и каждый раз делали подобные фотографии. Наконец, нервная официантка проводила нас к крохотному столику возле огромного окна. Мы заказали неоправданно дорогой кофе и блинчики на двоих.

– Боже, как ноют сиськи, – простонала Ди, хватаясь за грудь. – Лифчик прямо натирает.

– Скоро месячные?

– Ага, завтра. Блин, целых пять дней без секса. Мы с Найджелом прервем нашу серию.

Нам принесли кофе – выглядел он просто восхитительно. Я достала фото и сделала снимок – меня бесила эта слабость, но я ничего не могла с собой поделать. С другой стороны, разве все вокруг не заняты тем же?

– Вообще-то во время месячных секс не запрещен, ты в курсе? – спросила я, размешивая сливки ложкой.

Ди покачала головой.

– Со мной это не прокатит. Иначе это будет похоже на ту сцену из «Сияния», где потоки крови заливают коридоры.

Я отставила свой стакан, и Ди расхохоталась.

Я так завидовала Ди и безудержному сексу в ее жизни, что едва могла смотреть ей в глаза. Яростно размешивала кофе ложкой и не могла заставить себя заговорить о Найджеле.

Вся эта история застала меня врасплох.

Я не для того позвала ее с собой на свадьбу, чтобы она всю ночь занималась потрясающим сексом с Найджелом. Предполагалось, что мы будем веселиться и смотреть кино. А кончилось все тем, что я лежала на кровати под балдахин, поглаживая набитый пиццей живот, и слушала, как кто-то кувyrкается за стенкой. Возможно, это она и была. Но мы друзья, и я рада за нее, она ведь заслуживает счастья. Так что я спросила:

– У вас все хорошо?

Лицо Ди смягчилось, она застенчиво улыбнулась. Солнце светило ей в спину, и она выглядела до тошноты прекрасной.

– Похоже на то, – ответила она. – Не знаю. Мы же в самом начале пути.

Мы перебрали всевозможные причины, по которым все может пойти наперекосяк. Тщательно проанализировали все крупницы сведений о Найджеле, жизни Найджела, бывших девушек Найджела, пенсионной программе Найджела, а также тот факт, что у него своя квартирка в Клэпхэме. Но по тому, как блестели ее глаза, а на губах возникала улыбка при каждом упоминании его имени, было ясно, что Ди втюрилась. Это не проходной случай. Независимо от того, поженятся они и состарятся вместе или расстанутся и мы задним числом будем искать свидетельство того, что так было предначертано, – роман с Найджелом навсегда останется для нее важной вехой.

Пловцы рассекали баттерфляем бирюзовую воду, стайка модных мамочек качала детей на руках и играла с ними в догонялки, и я попыталась улыбнуться Ди. Попыталась улыбнуться – ведь я хорошая подруга и должна быть за нее счастлива, несмотря на то, что ее сияющий вид лишний раз напомнил мне о том, что сама я давно не сияю.

Принесли блинчики. Мы посмеялись над крошечной порцией и заказали еще одну. Я с жадностью проглотила еду и тут же возненавидела себя, пытаясь прикинуть, сколько дополнительных шагов мне предстоит сделать, чтобы избавиться от чувства вины. Я предложила Ди прогуляться по парку, мы поднялись со стульев и влились в людской поток, сновавший среди деревьев.

– Чем сегодня занят Том? – спросила Ди. Мы жались к одной стороне дорожки, чтобы нас не снесли дети на самокатах. За ними бежали родители и неискренне извинялись, мол, они же такие милашки. Стиснув зубы, мы с Ди выдавливали из себя улыбку и говорили, что все в порядке, хотя, конечно, никакого порядка не было и в помине.

– Работает. У него дедлайн. Но у нас есть планы на вечер: только что вышла вторая серия «Выбора»².

– Я еще не начинала смотреть, но все просто с ума по нему сходят.

– Отстойный сериал, – сообщила я. – Все просто притворяются такими умными и утонченными. Но это единственное, что Том сейчас готов смотреть вместе.

Я вздохнула, не желая пускаться в откровения. Каждый раз, заговаривая о Томе, я будто источала яд. Во рту стало горько.

– А у тебя какие планы? Идете куда-нибудь с Найджелом?

На лице Ди снова расплылась глупая улыбка, она принялась теребить серебряную подвеску.

– Ага. Он забронировал столик на самом верху «Шарда». Как ни странно, я никогда раньше там не была.

– Ох уж эти настоящие свидания, как я по ним скучаю, – пожаловалась я. – Мне не хватает этих увлекательных вещей, которые делают на заре отношений.

Ди и не подумала возражать мне. Она ответила лишь:

– Зато тебе не надо переживать, что захочется в туалет по-большому у него дома.

– Да, во всем есть свои плюсы, – рассмеялась я.

В парке цвели запоздалые нарциссы, предвещая хорошее лето. Мы сделали три круга, отвернувшись от запруженной машинами дороги вокруг парка. Я улыбнулась при воспоминании о туалетных проблемах в начале отношений с Томом. Пока мы путешествовали по Америке на машине, я все время изобретала причины, по которым мне нужно было «заглянуть в лобби отеля»: возле стойки ресепшен есть уборная. А первые вечера у него дома? Живот раздувался и болел от попыток перетерпеть.

Ди вытащила телефон, и по ее улыбке стало ясно, что ей пишет Найджел. *Я счастлива за нее, счастлива за нее, счастлива за нее.* Инстинктивно я достала свой смартфон. Том ничего мне не писал: он знает, где я, да и все наши сообщения теперь сводятся к информационным. «Поезд задержали, буду дома не раньше десяти», «Купишь молока по дороге с работы?», «Закончился кошачий корм». Наш максимум – прислать фото Кошки в забавных позах. Но это редкость. Зато мне пришла тонна уведомлений. С утра я выложила старый снимок: мне двадцать семь, и на мне джинсы с очень низкой посадкой. «Ну что, негодники, помните, как это было модно?» – написала я.

Судя по тысяче лайков, они помнили.

– Тебя все еще бесит та рецензия? – спросила Ди, убрав телефон в карман желтого плаща.

– Да. Она поставила мне *четыре* звезды, а не пять.

Ди искусно подвела нас к следующему вопросу.

– Спору нет, она мерзкая сучка, но, Тор, ты уже думала – хотя бы примерно, – о чем будет следующая книга?

Я отпрыгнула от очередного самоката и раздраженно уставилась на ребенка.

– Времени не было, – резко ответила я. – Они таскают меня по всем уголкам этой чертовой планеты, чтобы разрекламировать эту новую книгу.

– Да, я понимаю, но... ммм... это же на самом деле не *новая* книга? – аккуратно продолжила Ди. – Это старая книга, просто с предисловием и в летней обложке. Ты уже несколько лет ничего не писала. Разве ты не хочешь поднять какую-нибудь новую проблему?

Этот разговор был мне неприятен. Ди ведь в курсе всего. В курсе, что я пала жертвой расхожего синдрома второй книги и писательского блока в придачу. С тех пор, как вышла «Негодная...», все так завертелось, что у меня не было возможности для размышлений. Поэтому-то

² «Выбор» (The Reckoning) – британский остросюжетный мини-сериал 2011 года.

я и решилась на переиздание – нужно было выиграть время, чтобы придумать, о чем еще я хочу поведать миру.

– К чему ты клонишь? – спросила я.

– Да так, – ответила она. – Просто ты была такой счастливой, когда писала книгу. Я хочу, чтобы ты снова была счастлива. И возможно, это хорошо скажется на отношениях с Томом, если ты погрузишься в новый проект.

Я покачала головой.

– У нас с Томом все хорошо. *Правда*, – запротестовала я, заметив ее гримасу. – Просто мы уже шесть лет вместе. Неважно, как безумно вы были влюблены друг в друга в самом начале, через шесть лет чувства выдыхаются, и нужно работать над отношениями. Любовь меняется с годами.

Ди моя речь не сильно убедила, и я разозлилась. Откуда ей знать? Ее самые долгие отношения длились два года. Чертов Найджел наверняка кажется ей принцем на белом коне, но на заре романа это обычное дело. Ты столько качеств приписываешь другому человеку, пока не узнаешь, как пахнет его дерьмо и в какое время он это дерьмо оставляет.

Мы наслаждались весенним цветением и смеялись, глядя на выводок утят на пруду, но атмосфера между нами слегка накалилась. Меня бесило, что между нами росло недовольство. Друзья должны постоянно приспосабливаться к изменяющимся жизненным обстоятельствам. У нас с Ди все было прекрасно, пока мы обе были циничны и несчастны. Но теперь у нее появился Найджел, который поведет ее на вершину «Шарда», и она временно счастлива, а я постоянно несчастна, и нам приходится заново приспосабливаться друг к другу.

Это ненадолго, подумала я.

Мне стало стыдно за эту мысль.

Но это правда ненадолго.

С Ди всегда так. Причины, почему этот роман обречен, уже вымостили их путь, как золотые кольца, которые собирает еж Соник³. Найджел финансист, и ей станет с ним скучно. Ее непредсказуемость начнет раздражать его, когда он узнает, что она вечно забывает телефон в автобусе. Рано или поздно Найджела начнет волновать, что у нее была куча любовников. Ее крайне сложные отношения с родителями скажутся на них обоих. В глубине души он будет думать, что с ней что-то не так. Начнет искать доказательства своей гипотезы и сознательно не так понимать ее поступки. Вполне возможно, любовник из него не ахти, но она признается в этом только через месяц после разрыва, когда три бутылки вина развяжут ей язык. «Мы все время занимались сексом, но я ни разу не кончила», – признается она, а я задохнусь от ужаса и отвечу: «О боже, неужели? Я ведь так тебе завидовала тогда». Она рассмеется и скажет: «Ну, я и себе не хотела в этом признаваться. Думала, что он мой Единственный, Тори, честно тебе говорю». А я скажу: «Я так и поняла». Обниму ее и подставлю плечо, чтобы она выплакалась. Так происходит ровно каждый раз, и Найджел не станет исключением.

* * *

О, так гораздо лучше.

Моя голова лежала у Тома на коленях, его пальцы перебирали мои волосы. Шторы были отдернуты, за окном сияли огни Лондона, а мы, прижавшись друг к другу, смотрели ТВ. На подлокотнике примостилась дремлющая Кошка. Это так приятно. Мы заказали ужин на двоих в «Маркс энд Спенсер», и обошлось даже без споров по поводу горячего блюда. Том рассказал, что пишет статью о туризме в Лас-Вегасе – должно получиться интересно. У нас есть целых десять дней до того, как кому-то из нас придется уехать, и мы сверили наши графики, разду-

³ Еж Соник – персонаж одноименной серии видеоигр. В процессе игры он собирает для своей защиты золотые кольца.

мывая, как лучше провести это время вместе. Мы будем скучать друг без друга, одна мысль о том, что связь между нами потеряется, огорчила обоих. Какое облегчение знать, что мы будем скучать.

– Как насчет пропустить по паре коктейлей в «Шарде» на выходных? – с надеждой предложила я.

– Отличная идея.

Ура! Мы тоже так можем. Просто иногда требуется приложить усилия. Но это прописная истина. И пускай Ди занимается умопомрачительным сексом во всех позах – я не готова поменяться с ней местами. Променять чувство уюта и безопасности, тот факт, что я знаю все о мужчине, который сейчас перебирает мои волосы. Близость. Вот что это такое. Близость. Ее нельзя ускорить, к ней нельзя принудить. Это чувство аккуратно взращивается годами узнавания, участия и уступок, и охлаждение может легко его погубить. Тепличное создание – как спаржа. Близость – как спаржа. *Неплохое сравнение, нужно будет написать об этом пост.*

Мы смотрели «Выбор». Сериал на самом деле не так уж плох. Ясно, почему все только о нем и говорят. Он отлично снят, актеры хорошо играют, а главная героиня с независимым характером настолько противоречива, что авторы газетных колонок долго будут рассуждать, феминистка она или нет. Тому по-настоящему понравился сериал. Я наслаждалась моментом, прикрывая глаза от неги, пока мы смотрели первую серию. Том даже наклонился и поцеловал меня в щеку. Очень нежно. *Я так люблю его. Люблю люблю люблю.* Несмотря на мои вечные жалобы, я его люблю. Просто порой я забываю, что такие мгновения бывают. Надежность, уют, тепло. Мы чувствуем друг друга, полностью сосредоточены друг на друге.

Рекламная пауза. Три минуты двадцать девять секунд.

Мы вооружились телефонами.

Обновить. Обновить. Что я пропустила?

@TheRealTori Смотрим #Выбор. Если так пойдет и дальше, все, кто мне нравится, окажутся убийцами.

Спихнув меня, Том сел, чтобы проверить новости спорта.

– Херово, – пробормотал он. Судя по всему, его любимая футбольная команда проигрывала. Лучше не спрашивать. Эта новость отравила воздух вокруг нас. Теперь он будет весь как на иголках, если только им не удастся отыграться. Это всегда было выше моего понимания: почему мои отношения, мое собственное настроение и мой вечер зависят от того, сможет ли кучка восемнадцатилеток, которым платят бешеные деньги, хорошенько ударить по мячу? Но спорить бесполезно. Я постаралась выкинуть это из головы. Переключиться, сделать вид, будто ничего не случилось. Возможно, к следующей рекламной паузе счет сравняется, и Том будет улыбаться, хлопать в ладоши, радоваться и вознаградит меня объятием – я буду счастлива, пусть даже не я послужила причиной для перемены настроения. В конце концов, у меня есть собственный телефон. Я подсчитала количество уведомлений, нахмурилась, увидев пост, где другая писательница благодарила «Телеграф» за то, что ее книга попала в список «лучших книг лета» – в отличие от моей. Рекламный блок закончился, Том убрал телефон, но моя голова больше не лежала у него на коленях. Его горечь я практически чувствовала на вкус. Почему он не может болеть за успешную команду? Ту, которая умеет побеждать? Если уж твое эмоциональное состояние зависит от результатов игры футбольной команды, какого черта ты болеешь за «Астон Вилла»?

Но тут кому-то на экране выстрелили в лицо, и это привлекло наше внимание. Размозженный череп показали крупным планом – совершенно излишняя жестокость, но Тома, в отличие от меня, это не возмутило. Я в шутку зарылась лицом в его футболку, пытаюсь заодно вернуть ощущение физической близости. Том рассмеялся, но легонько отпихнул меня. Я постаралась проглотить обиду – вечер отличный, и это на самом деле мелочь. Шоу шло своим

чередом. Независимая главная героиня обнаружила труп с простреленной головой и изложила свою версию событий, но никто из мужских персонажей ее не поддержал. Том отвлекся. Он то и дело с разочарованным вздохом проверял телефон. Снова реклама, и я полезла в собственный телефон, чтобы узнать, что интересного случилось за прошедшие десять минут.

Бинго. Джессика выложила фотографии из свадебного путешествия.

Я тут же кликнула и развернула экран горизонтально. Господи боже, да тут больше *четырехсот* снимков. Ни одно мгновение их поездки на Карибы не осталось за кадром. Каждый наряд в полный рост, каждое блюдо, которое они пробовали. Они чокались коктейлями – здесь были и фото коктейлей, и фото, как они чокаются. Вот они в аэропорту, в самолете, а вот взгляните, как красиво горничные сложили для них полотенца. Педикюр Джессики мелькнул по меньшей мере раз пять на фоне райского пляжа. Десятки снимков Джессики, снятых украдкой в якобы естественной позе на пляже – совершенно *случайно* она при этом оказалась в бикини. И все это с единственной целью – показать всем результаты предсвадебной диеты. Вот она делает колесо на белоснежном песке, вся такая беззаботная: ноги широко раскинуты, чтобы продемонстрировать идеально гладкие бедра.

Не веря своим глазам, я сунула телефон Тому.

– Ты глянь! – сказала я. – Джессика выложила больше четырехсот фоток!

Том скривился, но не из-за увиденного на экране: его бесило, что я лезу с разговорами, в то время как он переживает из-за футбола.

– Это Джессика, что с нее взять, – отмахнулся он и принялся лихорадочно кликать на собственный смартфон: обновить, обновить, обновить.

Его пренебрежение меня не остановило: мне необходимо было излить свое негодование.

– Да они как будто каждую секунду свадебного путешествия только и делали, что фоткались! – вскричала я, потрясая телефоном. – Разве они не должны трахаться до умопомрачения? Если они так счастливы, то зачем они столько времени тратят, чтобы нас в этом убедить?

– Угу. – Том не отрывал взгляда от своего телефона. Еще раз обновить.

– Это же безумие!

– ДА! – Том подскочил и расплылся в широчайшей улыбке – мне никогда не стать ее причиной.

– ГООООЛ! – вопил он, – ГООООЛ!

Он подхватил меня и подбросил вверх. Испуганная Кошка бросилась вон из комнаты. Том раскрутил меня на одной руке, притянул к себе и поцеловал как в кино. Я рассмеялась и изобразила, будто падаю в обморок.

– Вы выиграли? – спросила я, как будто Том имел к этому хоть какое-то отношение.

– Мы выиграли! На последней минуте. Нужно было всего лишь сравнять счет. Мы прошли, прошли!

Пританцовывая, он вышел из комнаты и вернулся, неся на руках Кошку, будто кубок. Она вырывалась, но он все равно вальсировал с ней.

Возможно, он думал, что со стороны это выглядит очаровательно.

Он ошибался.

Я отгоняла от себя мысли, почему он так беспокоится из-за этой бессмысленной игры, в то время как ему наплевать на важные вещи. Лекарство от рака не найдено, в Африке голодают дети, каждая четвертая женщина становится жертвой изнасилования, его собственная девушка нуждается во внимании и хочет, чтобы он был с ней счастлив. Но это хороший вечер – проиграй они матч, все было бы гораздо хуже, – так что я присоединилась к своему парню и Кошке, и Том закружил меня в танце.

Сериал тем временем шел своим чередом. Том не вернулся к просмотру. Он сидел в телефоне, проверяя, что пишут в Сети про этот матч. Я как последняя стерва сделала скриншот страницы Джессики и отправила Ди в поисках поддержки. Тому понадобилась еще четверть

часа, чтобы успокоиться, но он был так счастлив, что позволил моей голове снова оказаться у него на коленях. Я чувствовала, что он улыбается. Мы смотрели, как по телевизору независимая главная героиня снова доказывает свою правоту. Том поглаживал мне спину, проводил пальцем по щеке, и это было чудесно.

На последней рекламной паузе я перевернулась к нему лицом.

– С этого ракурса твоё лицо выглядит непривычно, – сообщила я. – Будто ты инопланетянин.

– Твое тоже.

Мы тут же начали корчить гримасы, высовывать язык, поднимать брови, искажая лицо ещё больше.

– Хватит, ты меня пугаешь, – сказала я.

– Ты меня тоже.

Я приподнялась и поцеловала его. Он промычал и поднял брови – и поцелуй оборвался. Но все-таки это был поцелуй. Мы целовались, как обычная пара.

В последние пятнадцать минут независимую главную героиню похитил ее чокнутый бывший, его чувства к ней не остыли. Это для ее же безопасности, уверял он. Она подошла слишком близко к опасным парням. Она извивается на стуле, к которому привязана, и гневно мотает головой. Наклонившись, он выдергивает кляп, и они целуются – жадно, эмоционально. Это невероятно сексуально, но нельзя в этом признаваться: ты же феминистка. Вот чокнутый бывший стянул с нее блузку. Он целует ее грудь, она громко стонет – им явно светит потрясающий секс. Все в этой сцене неправильно, поставлено с ног на голову, это всего лишь игра двух актеров, а обозреватели завтра взахлеб будут обсуждать это, но все же...

Все же это зрелище завело меня не по-детски.

Мы молча смотрели, как бывший стащил героиню со стула и трахал ее, прижав к стене. Ее руки по-прежнему были связаны. Мое тело трепетало. Бедра подрагивали от возбуждения. Влагалище непроизвольно сократилось – всего раз. Словно рябь от валуна, который швырнули прямо в гладкое как зеркало озеро.

– Ого, – пошутил Том, пытаясь разрядить сексуальное напряжение, которое исходило от широкого экрана. Но я чувствовала, что и он завелся. Его рука сильнее прижалась к моей спине, дыхание сбилось. Неудовлетворение, которое полгода копилось во мне, выплеснулось – так река прорывает плотину.

Мне нужен секс.

Такой, как у этой героини на экране, – яростный, жесткий, чтобы сам воздух пропитался от похоти.

Мне нужен секс с Томом.

Что, если я сделаю первый шаг?

Но если он откажет мне, я этого не вынесу. Я отчаянно нуждалась в близости. *Глупость какая-то! Он твой парень, Тори. Ты можешь заниматься с ним сексом. Для этого отношения и заводят.*

Напор Тома не ослабевал. Он точно возбужден. Актер на экране тем временем, перекинув независимую главную героиню через стол, входил в нее, вызывая стоны удовольствия.

Изогнувшись в руках Тома, я улыбнулась.

– Ну что, Тор? – Он игриво улыбнулся.

Я ответила ему поцелуем. Полностью развернулась и оседлала его, расставив колени по бокам. Тесно прижалась к нему и поцеловала – страстно, жарко, настойчиво. *Не отстраняйся, прошу тебя.*

Том не отстранился.

Он обнял меня и притянул к себе.

Наши губы соприкоснулись, его язык проник в мой рот. Мы покусывали друг друга – когда же мы в последний раз так целовались? Почему мы больше так не целуемся? Я и забыла, как хорошо Том целуется. Забыла его вкус. Он все лихорадочнее поглаживал мою спину. Как же чудесны прикосновения друг к другу. Облегчение. Облегчение от того, что ко мне наконец-то притронулись. Возбуждение накатило с новой силой. Сквозь лифчик я чувствовала, как твердеют соски. Меня лихорадило от желания. Я расстегнула рубашку Тома, а он неуклюже стащил с меня майку. Ощущение его голой кожи под моими ладонями вызвало новый приступ желания. Я покрывала его грудь поцелуями, облизывала, покусывала. Не могла оторваться от его тела. Цепочка поцелуев спустилась ниже, я целовала его животик. Меня даже не волновало, что у него вообще появился животик (а все из-за еды на вынос). Меня волновало только то, что он позволяет мне делать это и что нас *наконец-то* ждет секс. Жаркий секс! Прямо на диване! Как у всех нормальных, счастливых пар.

Я снова поцеловала его в губы. Он лизнул меня, оставляя на щеке терпкий аромат слюны. Задрал юбку и стащил с меня трусики. Продолжая целовать его грудь, я расстегнула ремень Тома и приспустила джинсы. Стянула трусы – член выпрыгнул мне навстречу, чуть не попав в глаз. Он торчал прямо, направленный в потолок, – доказательство того, что я по-прежнему нравлюсь Тому. Удивительно, какой убедительной порой может быть эрекция. С игривым выражением лица я покрыла поцелуями дорожку волос, ведущих к члену. Откинув голову, Том закрыл глаза. *Упс, а я надеялась, что мы будем смотреть друг на друга.* Я ощутила укол разочарования, и тут он молча и решительно придвинул мою голову к своему члену...

Ладно, я сделаю ему минет. В конце концов, я его девушка. Это моя обязанность. Отсосу, чтобы он лучше держался: у него бывали проблемы с эрекцией в процессе. А затем оседлаю его и почувствую его внутри себя – мы наконец-то снова станем любовниками, а не опостылевшими друг другу сожителями. *Боже, как обидно. Не знаю, сколько я смогу продержаться.* Но я прилежно отсасывала и даже провернула тот трюк с мошонкой, который вычитала в «Космо», когда мне было семнадцать. Старалась заглотнуть как можно глубже, не подавившись, поворачивая голову так, чтобы его член оказался у меня за щекой, а не задевал гланды. Я и забыла, какое это утомительное занятие. Вверх-вниз, вверх-вниз, главное – не закатывать глаза. Интересно, сколько времени пройдет, прежде чем мы сможем приступить к полноценному сексу? Оргазм был уже близко: за шесть лет я выучила все признаки – Том в этом плане предсказуем, как картина по номерам. Пора было отстраняться, но тут Том, опередив меня, положил ладонь мне на затылок. Накрутив мои волосы на руку, он резко потянул, как сумасшедший кукольник, и теперь... теперь он сам насаживал мой рот на свой член, словно в порнофильме.

Я едва могла дышать. Он так быстро и резко дергал меня, что я не успевала перевести дыхание. *Ай.* Член задел гортань, и тело отреагировало соответствующим образом. Я конвульсивно дернулась, но он крепко держал меня за волосы и снова резко надавил. Я отчаянно заморгала, пытаюсь показать, что это уже за гранью, но Том ничего не видел. Его глаза были закрыты, на лице – блаженство. Впереди маячил оргазм, и я его не интересовала. Только мое горло. Может, толкнуть его, чтобы он прекратил? Но я не понимала, что вообще происходит. Такого никогда не случалось. В полном смятении я продолжала бездействовать. Вести себя как его марионетка и стараться дышать носом. Толчок, стон, снова толчок. Его таз дернулся вверх, он дернул меня за волосы и кончил мне в рот. От неожиданности я проглотила часть спермы. Остаток растекся по подбородку и закапал на грудь.

Только теперь Том отпустил меня.

Он плюхнулся на спину, улыбаясь как Чеширский кот, перебравший валерьянки. Полностью расслабился. Спотыкаясь, я кинулась в ванную. Сплюнула, ухватившись за раковину, и уставилась на свое измученное отражение.

Это был не сон?

Это правда. И это неправильно. Совершенно точно неправильно. Но... не знаю. Может, он просто забылся. В конце концов, с закрытыми глазами трудно было заметить, что мне это неприятно. И я не просила его прекратить. Ни разу не просила...

Взгляд в зеркало, глубокий вдох и выдох. Со следующим вдохом я постаралась прогнать все неприятные чувства – это был отличный вечер, и, конечно же, он не специально поступил так. Секс бывает и таким, ничего особенного. Не надо прикидываться, будто это что-то неслыханное.

Перегнувшись через раковину, я прополоскала рот – иначе Том не поцелует меня. Ему не нравится ощущать собственный вкус во рту: это «*по-гейски*», сказал он однажды.

Я вернулась в гостиную. Серия закончилась, экран светился синим. Том успел надеть брюки и застегнул рубашку. На меня, пока я шла к нему – полностью обнаженная ниже пояса – он и не взглянул. Не открывая глаз, он приподнял руку, и я скользнула ему под бок. Он молчал. Ни слова о случившемся. Судя по тому, что он уже надел брюки, продолжение не планировалось.

– Ты... тебе понравилось? – вырвалось у меня. Мне хотелось угодить ему. Остался ли он доволен? Я заволновалась: что, если это было не так уж приятно?

Том издал довольное урчание и потрепал меня по волосам, словно я собака, которая принесла ему тапочки. Видимо, это значит да. Нечестно, что мне пришлось спрашивать самой. Мог хотя бы сказать «спасибо». Я натянула трусики и крепче прижалась к его боку.

Я чувствовала себя одновременно возбужденной и сексуально неудовлетворенной, использованной и изнасилованной, злой и обиженной, а еще переживала, понравился ли ему минет. Но одно я знала точно – лучше промолчать. Так мне советовал «Гугл» всякий раз, когда я лежала рядом со спящим телом, ночь за ночью отвергаемая Томом, в отчаянии пыталась найти ответы в интернете.

«Мой парень не хочет заниматься сексом со мной».

«Мы не занимаемся сексом».

«У нас уже полгода не было секса».

«Отсутствие секса – это нормально?»

«Как часто вы должны заниматься сексом?»

«У моего парня депрессия или это просто я его не возбуждаю?»

Никто никогда не ставит вопрос подобным образом. Это у мужчин один секс на уме, а женщинам иногда приходится терпеть и думать об Англии. Стоит моим подругам в отношениях со стажем перебрать вина, они начинают жаловаться, что мужья то и дело к ним «пристают». Я киваю, улыбаюсь, отпиваю из своего бокала, говорю «Ох уж эти мужчины» и закатываю глаза. А про себя думаю: *Почему мой парень не хочет заниматься сексом? Вы понятия не имеете, как вам повезло! Я мечтаю, чтобы ко мне «пристали».*

Я готова была разрыдаться – в горле засвербило, глаза слегка увлажнились, – и тут Том открыл глаза. Повернувшись, он обхватил мое лицо руками. «Ты просто чудо», – пробормотал он и, склонившись, поцеловал. Я вся отдалась этому поцелую. Я нуждалась в этом поцелуе. Отчаянно нуждалась. Но, чмокнув меня, он отстранился. Откинувшись на спину, он проказливо улыбнулся мне, как будто ничего и не было. Затем поднял руки и спросил: «Я так понимаю, ты хочешь ответную услугу?»

Не успела я опомниться, как он просунул мне руку между ног и вяло затеребил. До клитора было добрых два сантиметра. Я взглянула ему в лицо, но он не смотрел на меня. Вообще-то он... смотрел в окно, в щель между шторами – и вид у него был *скучающий*.

Это вообще реально – пытаться довести до оргазма, проявляя *пассивную агрессию*?

Ведь ровно это и происходит.

Закрыв глаза, я постаралась сосредоточиться на ощущениях. Если верить «Гуглу», мне необходимо «довольствоваться небольшими сексуальными переживаниями», а это как раз оно

и есть. Если сказать Тому, что я не в настроении, или переместить его руку к нужной точке, это подорвет его уверенность в себе. Поэтому я ерзала под его рукой и стонала – любые прикосновения приятны. Даже невзирая на пассивную агрессию. Том воспринял мой стон как сигнал к решительным действиям. Он протолкнул внутрь два пальца, хотя смазки не было вообще. Со скучающим видом поелозил ими. Ой, это вообще-то больно. Что же мне делать? Я не могла признаться в том, что это больно. Тогда он вообще больше не будет меня трогать, но... ой. Я моргнула. Почему реальный секс не может быть похож на секс в кино? Мужчины на экране знают, где и как коснуться, а женщины так устроены, что могут получить оргазм от проникновения.

Я дернулась всем телом и инстинктивно схватила Тома за руку, чтобы он прекратил. Улыбнулась, изображая благодарность. «Спасибо», – прошептала я, целуя руку, причинившую мне боль.

Том даже не спросил, почему я его остановила. Вообще-то он выглядел довольным собой. Он снова притянул меня к себе под бок и поцеловал в лоб. «Распутная девчонка», – заметил он. И что, интересно, он хотел этим сказать?

Но плакать нельзя. Если я заплачу, это вызовет негативный отклик, а нам нужно создавать положительные моменты. Быть может, раз теперь у нас есть этот позитивный опыт, Том сам сделает следующий шаг? Например, я вернусь с прогулки, а он внезапно поцелует меня и, прижав к стене, доставит мне удовольствие. Или мы снова займемся сексом в душе – в последний раз это случалось года четыре тому назад. Я продолжала мечтать, а Том гладил меня по волосам.

Началась какая-то передача, посвященная академическому отпуску перед поступлением в университет, и мы лениво смотрели на экран, отпуская замечания, как мы ненавидим всех этих юнцов. Ди так и не ответила на мое сообщение о фотографиях медового месяца – видимо, слишком занята, кувыркаясь с Найджелом. Ну и хрен с тобой, Ди. У меня тоже был секс! Да, это был не полноценный секс с проникновением, но «Гугл» утверждает, что мы слишком зациклились на сексе с проникновением. Прикосновения – это тоже секс, говорит «Гугл». Вместо того, чтобы переживать, как часто вы занимаетесь сексом, просто наслаждайтесь, изучая тела друг друга, говорит «Гугл». Как раз этим мы с Томом и занимались. Мне не нужно беспокоиться, что мы одна из тех пар, что никогда не занимаются сексом. Таймер обнулится. По крайней мере, на ближайший месяц можно расслабиться.

Кошка запрыгнула мне на колени, покрутилась и улеглась. Я погладила ее по голове, ее урчание успокаивало. Я попыталась насладиться послевкусием – нас плотно окутывала атмосфера секса.

Ни с того ни с сего Том обнял меня – так крепко, что у меня перехватило дыхание. Я пискнула, чувствуя давление на ребра. Отпустив меня, он посмотрел мне прямо в глаза.

– За что это? – радостно спросила я.

– Я люблю тебя, Тор, – ответил он и повернулся к экрану.

И к следующей рекламной паузе все печальные мысли по поводу минета совершенно вылетели у меня из головы.

Месяц третий

Эми Прайс опубликовала изображение:

[Когда в жизни идет дождь – смотри на радугу. Если стало темно – ищи звезды.]

23 «нравится»

Оливия Джессен опубликовала изображение:

[Страх имеет два значения: Забудь обо всем и беги или Взгляни в лицо противнику и сражайся. Выбор за вами.]

8 «нравится»

Комментарии:

Андреа Симмонс: Все хорошо, подруга?

Оливия Джессен: Да, наверное. Просто не самый лучший период сейчас.

Официальная группа книги «Негодная: как я послала на хрен чужие правила»:

Итак, я хочу сказать пару слов о гребаных советах... Советы – это классно, советы – это здорово, их дают из лучших побуждений. Но разве кто-нибудь к ним прислушивается? Все мы видели мотивирующие цитатки на фоне Парижа – это хоть раз кому-нибудь помогло?

Вот в чем вся соль: мы сами прекрасно знаем, когда что-то идет не так. Нам подсказывает интуиция. Но иногда мы не желаем слушать свою интуицию. Или жизнь не позволяет нам прислушиваться – ведь нам нужно оплачивать счета и смотреть в глаза правде. Если все мы день за днем будем следовать своей интуиции и мотивирующим цитатам, написанным красивым шрифтом, мир попросту рухнет. Так что, пока вы ждете, когда в вашей жизни наступит гармония, вот вам парочка *реальных* советов. Они сделают вашу жизнь лучше уже сегодня.

Ну что, готовы? Тогда держите

#гребаныесоветыдляреальнойжизни:

● Если вам никуда не нужно ехать в пятницу вечером, не садитесь за гребаный руль.

● Если сдаете мазок у гинеколога, наденьте гребаную юбку.

● Добавляйте гребаную горчицу в яичницу.

● Простые таблетки от головной боли помогают не хуже, чем их гребаные дорогие аналоги.

● Если вы пьете мерло, всегда покупайте вино из Чили или с гребаного юга Франции.

А какие вы знаете

#гребаныесоветыдляреальнойжизни? Делитесь ниже.

С любовью,

Тори

* * *

Моя сестра жила в пяти минутах ходьбы от родительского дома, где я буду ночевать. Спокойная прогулка – машин почти нет, по обе стороны от дороги – тротуар, и в довершение – пение птичек. На улице было жарко и душно, и местные жители высыпали в сквер.

Я позвонила в дверь. Лиззи жила в двухквартирном доме – три спальни, две ванны (и гараж, который можно переоборудовать в дополнительную комнату). За дверью послышался детский визг и просьба Лиззи «успокоиться». Дверь распахнулась, и Джорджия выскочила наружу, словно призовая свинка.

– ТЕТЯ ТОРТОР, ТЕТЯ ТОРТОР!

Я наклонилась, и она обвила мою шею крохотными ручонками. Аромат ее волос успокаивал. Каждая клеточка моего тела излучала любовь. Малышка прилепилась ко мне, как моллюск к днищу корабля. За ее спиной Лиззи смеялась.

– Она все утро не могла дождаться. Джорджи, солнышко, ты задушишь тетю ТорТор.

Джорджия с неохотой отстранилась. Я разогнулась и поцеловала Лиззи в щеку.

– Привет, – сказала я и приложила ладонь к выпуклому животу. С последней нашей встречи он увеличился в размерах. – Как поживает личинка?

– Тор, ну в самом деле! – Лиззи со смехом проводила меня в дом.

Джорджия крутилась у нас под ногами, требуя, чтобы я то почитала ей книжку, то посмотрела ее новые наклейки, то поиграла с ней в мяч. Лиззи приготовила нам чай, но Джорджия мешала нам пить. Стоило мне поднести чашку к губам, как она совала мне в руки «Это не мой барсук» или задирала платье, показывая свой животик и требуя, чтобы мы показали свои.

– Мамошкин живот больше всех, – объявила она, после того как мы подчинились. Я не сводила глаз с живота сестры. Без свободной одежды он казался странным и нелепым – синие вены глазурью покрывали кожу, пупок набух, будто попкорн.

– У мамы внутри растет ребеночек, – сказала я, – Ты будешь старшей сестричкой, и это здорово.

Джорджия улыбнулась, но, судя по отсутствующему выражению лица, она не очень-то поняла мои слова.

– Можно я посмотрю «Свинку Пепу»?

– Ну наконец-то. – Лиззи наклонилась и расцеловала дочь. Джорджия восторженно захихикала. Какое-то время мы провели в поисках пульта и нужного канала. «Джейк вечно ковыряется в настройках для своих игр». Но в конце концов с экрана донесся визг «Свинки Пепы». Джорджия мгновенно преобразилась. Она разве что не уткнулась в телевизор с открытым ртом. Изобразив раскаяние, Лиззи снова поставила чайник.

– Мне стыдно, – сказала она. – Детям вредно столько смотреть телевизор, это как-то влияет на их развитие.

Она нажала на кнопку, потихоньку забулькала вода.

– Но иначе я даже помыться не могу. Ты даже представить себе не можешь, Тор. Честное слово. На днях я пыталась принять душ, а Джорджия вопила и барабанила по двери. Пришлось ее впустить.

Когда чай был готов, мы взяли его с собой в гостиную и расположились на кожаном диване. Повсюду были развешаны фотографии в рамках – Лиззи и ее жизнь как с картинки. Там был профессиональный снимок Джорджии, когда ей было всего две недели от роду – она сидела в цветочном горшке, как одна из детей на снимках Анны Геддес⁴. Коллаж, сделанный Лиззи из фотографий разных периодов их с Джейком совместной жизни – разные прически,

⁴ Анна Геддес – австралийский фотограф, чьи снимки детей часто печатали на открытках.

разные праздники, разная одежда. Они были вместе со школьной скамьи. С тех пор прошло уже больше двадцати лет, и я сомневалась, что кто-либо из них хоть раз пожалел об этом.

– Как дела? – спросила я, указывая на живот и делая глоток чая. – Все хорошо?

Лиззи задумчиво погладила рукой живот и улыбнулась.

– Да, все хорошо. Но уже не верится, что я принимала первую беременность как должное. Все гораздо сложнее, когда у тебя уже есть ребенок.

– Джорджия, кажется, рада. – Кружка казалась жирной, как будто ее плохо помыли, но я все равно пила.

– Хах, посмотрим. Некоторые дети в садике после рождения младшего ребенка внезапно превратились в чудовищ, ищущих внимания.

Мы пили чай, наслаждаясь относительным спокойствием. Из соседней комнаты доносился зачаровывавший Джорджию визг Пеппы.

– А как у тебя дела? – спросила Лиззи, положив на столик ноги в розовых домашних тапочках. – Куда ты завтра летишь? Это ведь какое-то важное событие?

Я кивнула, чувствуя панику от одного только упоминания об этом.

– В Берлин, на конференцию TED. Я боюсь до усрачки, если честно.

Сестра мягко улыбнулась.

– Но у тебя это отлично получается, Тор. Ты привыкла выступать перед огромными залами. Все пройдет отлично.

– Боже, надеюсь. – Я сделала еще один глоток. – Мама с папой не понимают, что такое TED.

Мы захихикали с виноватым видом.

– Кстати, – сказала я радостно, раскачиваясь на стуле, – ты не согласишься, кто будет выступать вместе со мной, а значит, мы познакомимся: сама Тейлор Фейтфул!

– Господи, Тор! Ты же ее фанатка. Вот это совпадение.

Я ликующе отхлебнула из кружки.

– Надеюсь, она классная и я ей понравлюсь. Если я ей не понравлюсь, это будет полный провал.

– Она будет в восторге от тебя. Только, пожалуйста, не накидывайся на нее с воплями, что обожаешь ее книгу. До сих пор помню, как ты читала ее впервые и все время присылала мне цитаты. Это так мило. А как у вас с Томом?

Встряхнув головой, я уставилась на пар, поднимавшийся над кружкой.

– У Тома все отлично. Он сейчас в Лас-Вегасе по работе.

– Бедняга.

Я покачала головой.

– Да, но... Мы слегка повздорили перед его отъездом...

Я замолчала. Это была не просто размолвка – это была самая настоящая ссора на пустом месте. Я сказала в шутку: «никаких стриптизерш» – мне казалось, это само собой разумеется, поэтому я и позволила себе пошутить. Но Том обвинил меня в том, что я нарушаю его границы, пытаюсь «контролировать его поведение».

– А если все мои коллеги пойдут? – заорал он. – Что ты предлагаешь мне сделать? Заявить, что они гребаные сексисты, и ждать их у выхода в гордом одиночестве?

– Мм, почему бы и нет? Это же и в самом деле так.

– Нельзя так контролировать людей, Тор. Да что с тобой такое? Ты раньше относилась ко всему гораздо проще. Куда делась та беззаботная девчонка, с которой я познакомился в Америке?

– ЕЙ БЫЛО, БЛИН, ДВАДЦАТЬ ПЯТЬ!

Лиззи молчала, но я могла прочесть все по ее лицу.

– Боже ты мой. – Она отпила чай.

– Но мы помирились!

Ну вот, сначала я пожаловалась на него, затем бросилась на его защиту. Нельзя, чтобы Лиззи плохо относилась к Тому. Однажды мы преодолеем черную полосу и, возможно, поженимся – когда он наконец позволит завести об этом разговор. Моя сестра не должна ненавидеть моего мужа.

– Вот, смотри. – Я вытащила телефон и показала Лиззи сообщение от него.

Том: Я не хотел ссориться. Я люблю тебя. Созвонимся по скайпу после прилета. Целую.

Следом он прислал фото моей книги – тридцать пятое место в рейтинге книжного магазина.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.